

Русское Безрубжье

Вера Зубарева

**«ЛУКОМОРЬЕ У БЕРЕГА...»
ТРАМВАЙЧИК-3**

Стихи, поэмы, эссе

Charles Schlacks, Jr. Publisher
Idyllwild, CA
2024

Вера Зубарева

«ЛУКОМОРЬЕ У БЕРЕГА...»
ТРАМВАЙЧИК-3

Стихи, поэмы, эссе

ISBN: 978-1-884445-89-7

ISSN: 2380-6672

На обложке и титульной странице использованы работы
Риты Колобовой

Художественное оформление Вадима Зубарева

*В книгу вошли новые стихи Веры Зубаревой об Одессе, а
также эссе о Южно-русской школе.*

Вера Зубарева, Ph.D. Пенсильванского университета, родилась в Одессе. Автор книг поэзии, прозы и литературоведческих монографий. Первый сборник стихов вышел с предисловием Беллы Ахмадулиной. Публикации в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «День и ночь», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия», «Нева», «Новый мир», «Новая юность» и др. Лауреат муниципальной премии им. Константина Паустовского, первый лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной, Международного конкурса «Лучшая книга года», и других международных литературных премий. Главный редактор журнала «Гостиная», президент проекта Русское Безрубье. Пишет и публикуется на русском и английском языках.

© Вера Зубарева, 2024

© Русское Безрубье, 2024

ЛУКОМОРЬ
З БЕРЕГА...
ТРАМВАЙЧИК-3

u
b
a
r
a
v
e
r
e
a

Думаю, не нужно объяснять, что Одессе в русской литературе повезло. «Грамоту на бессмертие» ей выписал Пушкин, её воспевали Багрицкий и Кирсанов, Маяковский и Пастернак, Михайлик и Гланц... Новая книга Веры Зубаревой — еще одно подношение нашему городу. Уверен, она целиком, как мегатекст, должна входить в антологии об Одессе.

Евгений Голубовский

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	8
----------------	---

ДОРОГА К ДОМУ

«...А когда наступает вечер...»	10
«Как там мама?».....	11
«Облако – извечный пилигрим...».....	12
«Старые фотографии...».....	13
«Кто шёл, внимая Аарону...».....	14
«Ты была и ушла, и осталась».....	15
«Если прошлое снится...».....	16
«Дом сигналил за дальними далями.».....	17
Памяти отца.....	18
«Вход с улицы, и затуханье вечера...».....	19
«Город в ожидании белокрылой чайки...».....	20
«И двор во тьме, и неизвестно...».....	21
«Где за морем солнце зашло...».....	22
«И впрямь, ну что это за море...».....	23
«Закрой глаза и это всё придёт...».....	24
«Вот и вечер. Улица остыла...».....	26
Притча.....	27
Дом.....	28

ОБОЖЖЁННЫЙ ТРАМВАЙ

«Это зима, зима...»	32
«Слякоть. Сумерки года...».....	33
«В этом чёрном квадрате истории...».....	34
«Улица-призрак...».....	35
«Долгий вечер...».....	36
В преддверии 2 мая.....	37
«Эта улица...».....	38
«Этот мир и без нас разберётся...».....	39

ВСЕМИРНЫЕ НОВОСТИ

«И снова в мире скверный запах...».....	41
«Век ли нынешний, будущий...».....	41
Тяжёлые сны.....	42
Американские хроники.....	50
«Мне снится человек...».....	57
«Быть может, всё не так...».....	58
«Иерусалим вырисовывается...».....	59

ОДЕССЕЯ

«Прошли века Одиссеи и Элиады...».....	61
Всемирные одесские новости.....	62
Амаркорд.....	63
«Куда судьба ни заносила нас!».....	64
«Мир стал Содомом и Гоморрой...».....	65
Пушкинские мотивы.....	66
«Три родины в древе моём...».....	67
«Наш трамвай не заблудился...».....	69
Одессослов.....	70

АЙБОЛИАДА

«Может быть, ты...».....	77
«Людям сказали: вы больны...».....	78
Слово о.....	79
Кривая времени: Послание в бригаду 104.....	83
Машина жизни, или Айболит-22.....	88
Бездорожье.....	91
Мир кулис: Либретто для мировой оперетты.....	96

ВСЕМИРНЫЕ ОДЕССКИЕ ДРУЗЬЯ

«Всемирные одесские друзья...».....	103
«Он был тогда с собой в разлуке...».....	104
«Ты говоришь: моторика уже не та...».....	105
«Включишь видеокамеру?».....	107
Стечение обстоятельств.....	108
«Мир штормит, повсюду дружб обломки...».....	111
«Храни моих друзей...».....	112
«Если что, буду жить в Таганроге...».....	114
Письмо.....	115
Книга печалей.....	117

ЭССЕ

Южнорусская школа: стихи и проза, Пушкин – Гоголь	123
--	-----

От автора

Трамвайчик-3 в своём контексте обращён к Пушкину как он видится одесситам сегодня. Особенно сегодня. Созвучность Пушкину возросла прямо пропорционально беспределу вокруг его имени. Но чем больше посягательств на пушкинское наследие в Одессе, тем сильнее противостояние.

Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упования
Минуты вольности святой <...>

Это созвучно сегодня одесситам разных поколений.

ДОРОГА К ДОМУ

* * *

...А когда наступает вечер,
Прибывают к морям берега,
Подключается память-диспетчер,
Отправляется сон в бега.

Сквозь ночного тумана завесу
Брежит парусник-пилигрим.
Все дороги ведут в Одессу,
Что бы там ни рассказывал Рим...

* * *

Как там мама?
Что-то часто снится.
Чуть глаза прикроешь – звуки ветра,
Улиц разлетаются страницы.
Чёрно-белый ролик в стиле ретро.
Всё одно и то же –
Дождь и ветер,
Море во весь рост,
В болтанке катер...
Дубль первый, пятый, двадцать третий...
Ночь за ночью,
Кстати и не кстати.
Думаешь, пустое?
Да, ноябрь,
Да, срывает листья. Серо. Голо.
Но при чём тут эти сны?
Корабль,
Лоцман на трубе,
Аллея,
Школа,
Уговор сорваться на казёнку...
Как трамвай? Скрипит ещё по рельсам?
Что ни сон, кричу ему вдогонку:
«Как там мама – как моя Одесса?»...

* * *

Облако – извечный пилигрим –
По святыням неба всё плывёт.
Значит, время двигать в Русалим,
Где во льдах мерцает звёздный ход.
- Ну давай поедем!
- Ну, давай.
Видишь, вот идёт уже трамвай.
Он из роя мелких огоньков,
Мелких снежных блёсток-мотыльков.
Он – свеченье, а вокруг темно.
Всё, что было, унеслось давно,
А теперь мелькает меж ресниц,
Словно с древних выросло страниц.
А трамвай плывёт, как дирижабль
Или белый сказочный корабль
По волнам собрания морей,
По тетради памяти моей.

* * *

Старые фотографии.
Виды знакомых мест.
Города биография,
В гуще прохожих – отец
Вдруг проявился... Присмотришься –
Нет, это чей-то другой.
Столб подпирает кореша.
Выгнулся мост дугой.
В шапочке белой резиновой
Пляжница, как поплавок.
Рядом волна позирует
Так, что фотограф намок.
Тает июльская улица,
Тает волшебный пломбир,
Тает душа-союзница,
Строится прежний мир.
Парк, карусель, на жирафе я
Делаю виражи.
Старые фотографии –
Катер в бессмертную жизнь.

* * *

Кто шёл, внимая Ларону,
Что был Моисеев микрофон,
А я иду по Ланжерону
Который год, который сон.

Песок, прохлада, путь размечен,
Причалил к берегу баркас.
И неизменно место встречи
У двух шаров в рассветный час.

Мне память – шкипер. Вместе с нею
До цели, кажется, чуть-чуть.
Но путь во времени длиннее
И горше, чем в пространстве путь.

Поёт в прибое ночь слепая,
К шарам ведёт по слуху сон.
И лишь рассвет не наступает.
Не наступает, вот и всё...

* * *

Памяти мамы

Ты была и ушла, и осталась,
Как для глаз остаётся звезда,
Как для думы земной – безначальность
С непонятной припиской «всегда»,
Как душа в лагерях атеиста,
Как религия в снежном окне.
Ты ушла. Чтоб опять возвратиться
В Дом, где всё возвратится ко мне.

* * *

Если прошлое снится,
Если прошлое ходит за тобой по пятам,
Это значит,
Ты не здесь, а там.

Если прошлое греет,
Если прошлое посылает весть,
Это значит,
Оно не там, а здесь.

Если прошлое сдуло
И размыло, как след на воде,
Это значит,
Оно нигде.
И ты нигде.

* * *

Дом сигналил за дальними далями.
Снова брезжит, как старый фильм,
То ли берег, однажды оставленный,
То ли тот, кто оставлен им.
Все из этого фильма родом мы.
Вход – на линии береговой.
На табличке: «билеты проданы».
В зале памяти – никого.
Только ты и её откровения.
Им внимаешь. В который раз!..
Значит впрямь есть что-то вне времени,
Коль вчера болит, как сейчас.

Памяти отца

Жди меня...

К. Симонов

Я могу подождать и год,
Я могу подождать и больше,
Позабыв, что всему свой черёд,
Если это как-то поможет,
И не пить за души помин,
Во смягчение горького часа.
Только с этой войны ни один
Ожиданьями не возвращался.

* * *

Вход с улицы, и затуханье вечера,
Шум голосов...
И думаешь: ну что здесь вечного?
Да всё, да всё –
Что помнилось и что забылось вроде бы,
Сверкнув на миг,
И перемены в море, в Городе,
И в нас самих,
И тот маяк, с историей повенчанной,
Аэродром,
На тротуаре, как сосуды, трещины,
Письмо домой, что так и не отвечено,
И поиски ответов под пером...

* * *

*Чайка белокрылая, ты куда летишь,
И когда же, милая, к нам ты прилетишь?*
Из детской тетради

Город в ожидании белокрылой чайки.
Лодка в печали
Стоит на причале.
В детстве сплошь и рядом опечатки,
Которых только мы не замечали.
Улицы те же. Названья другие.
Кто-то сторонний взялся их править.
Бродит по Городу ностальгия,
Хочет уткнуться в детскую память.
Может, всё ещё однажды вернётся –
Ветка акации белокрылой,
Памятник, площадь в утреннем солнце...
А иначе зачем это всё было?

* * *

И двор во тьме, и неизвестно,
Откуда лестница растёт,
И коль заснёшь под скрип древесный,
То видишь сны про пароход.

По палубе съезжают звёзды
Под взлётами волны лихой,
И пароходу ох не просто,
И капитану нелегко.

И только ты ему в подспорье,
И дом-корабль тобою жив.
А лестница растёт из моря.
А море – из твоей души.

* * *

Где за морем солнце зашло,
Прошрое звезду разожгло.

Свет имён зажгли корабли,
Вспомнив, как их встарь нарекли.

И тревоги прежних недель
Отступили, сели на мель.

И сигналил Города знак –
Верный Воронцовский маяк.

Памяти отца – Лоцмана на трубе.

И впрямь, ну что это за море –
Пляж с зонтиком над головой –
Для тех, кто часть его истории
Девятибалльной, штормовой!

В него отцы ныряли полночью,
Когда все судьбы на кону,
Когда и шторм взывал о помощи,
Когда и звёзды шли ко дну,

Когда гудели в периодике
О затонувшем корабле,
Когда отец стоял на мостике,
Приваренном к его трубе.

Всех в мире мостиков был выше он
И ближе к звёздам и судьбе.
И лоцман, как скрипач на крыше,
Исполнил соло на трубе.

Порт переполнен был по поводу
Дня окончания невзгод,
И лоцман продвигался к Городу
И выводил корабль из вод,

И думал: к чёрту окоlesiца!
Что натиск штормовых атак,
Коль есть Потёмкинская лестница
И светоч Города – маяк?..

* * *

*Кто на улицу попал —
Заблудился и пропал.*

Корней Чуковский. «Краденное солнце»

Закрой глаза и это всё придёт,
И мы причалим в мир до-взрослый, в тот
Добрейший дом на улице Свердлова,
Где гавань-двор и оберег ворот,

В окне лоза, над ней пчела жужжит,
И облаков рассветных виражи,
И кто-то обронил спросонок слово,
И постучался в день, и каждый жив.

Резвится солнце. А из-за ворот
Доносится родной мироворот.
Трамвай гудит, расплёскивая лужи,
Как самый важный в мире пароход.

Всё сразу встанет на свои места —
И памятник, что не сошёл с поста,
И парк, что со своим названьем дружит,
История — не с чистого листа.

Там хор друзей под окнами зовёт,
Хочет и гоняет взад-вперёд,
И мама отпускает наконец-то
С условием — чтоб только до ворот.

И мы играем в жмурки (дыр-дыра!*),
А тот, кто выбегает со двора,
Уже не сможет возвратиться в детство
Из шторма, где трещит по швам «вчера»...

—

* регионализм. Восклицание во время игры в жмурки в Одессе и др. городах.

* * *

Вот и вечер. Улица остыла.
А была с утра ещё тепла:
Кот готовил нападение с тыла,
Карауля птиц из-за угла,
Дуло с моря, открывались окна,
Дом звенел рапирами лучей,
Дворника всевидящее око
Проницало бранный мир вещей,
Возвращался день, отец с дежурства,
Будто детство дало задний ход,
И шептала комната: зажмурься,
Ну ещё немного – и войдёт...

Притча

Наступили тёмные времена.
За окном – непроглядней морского дна.
Во дворах залегла тишина.

...И отец возвратился
Из дальних морей.
С ним причалило прошлое, встало на рейд
И зажгло луну во дворе.

И дивились в соседних дворах – как светло!
И всю ночь восклицали – вот повезло!
А к утру у всех рассвело.

И дворы убедились:
Никаких чудес.
Просто в каждый вернулся отец.

Дом

Дом был как дом.
В конце двора направо
Крылечко деревянное и дверь.
За нею лестница кружила плавно
И приводила к двери самой главной...
Так было в детстве.
Проще всё теперь...

Я приходила
После снов тревожных,
Не сосчитаю,
Сколько лет спустя.
Стояла, вспоминая и грустя,
И о друзьях,
И о событиях прошлых.

Парадное закрыли на замок.
И я вздыхала, что уже не мог
В пространстве тёмных лестниц появиться
В часы, когда дочитана страница,
Тот, кому рад скрипучий был порог.

Где ты теперь?
Пожалуй, не узнаю,
Как не узнаю, каково сараю,
В котором помогал всегда отцу
Набрать ведро сверкающего угля
Трудолюбивый гном.
И на вопрос, могу ли
Его увидеть: “Он сейчас в лесу”, –
Я слышала в ответ.
Отец смеялся.

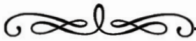

Но вот уже в сознание детском Лес
Каким-то тайным ходом сообщался
С сараем.
Проникая всё окрест,
Он в печь заглядывал
Блестящими зрачками
Весёлых углей,
Прорывался в гамме
Усердствующей вьюги за окном...
Где бедствуешь ты нынче, милый гном?

На чердаке никто не жил. Весною
Мне удавалось прошмыгнуть туда.
Лишь голуби под солнечной струёю
Там ворковали, вспыхнув без следа
При встрече неожиданной со мною.
Но в осени, поближе к декабрю,
Когда смеркалось в комнатах, - под крышей,
Боясь меня вспугнуть, ходил чуть слышно
Тот, неизвестный, с кем я говорю
Порой во сне и слышу вновь, как жалко
Скрипит под осторожным шагом балка.

Он там не жил.
Он только приходил.
Мне думается, с целью отогреться
Над комнатой, где разрасталось детство,
И я желала, чтоб набрало сил
Его больное от скитаний сердце.

Но главное –
Однажды за стеной
(Возле неё моя кровать стояла)
Мелодия чуть слышно зазвучала,

Соединилась с тишиной,
Со мной,
И властно пронеслось
Виденье зала.

И ощутила я
Безмерность бед,
Которые сулило повзросленье,
И я, как боль, несла отцу секрет,
Что взрослость –
Перед детством преступленье.

И мы, обнявшись,
Словно так легки,
Что различить могли нас эти звуки,
Прислушивались к вальсу и мазурке,
И Лес кивал у детства на излучке,
И я писала
Первые стихи.

ОБОЖЖЕННЫЙ ТРАМВАЙ

* * *

Это зима, зима,
Снежная царь-девица.
В мире опять кутерьма.
Кто там в снегах резвится?
Кто накликает льды,
Кто обрядился пургою,
Кто заметает следы,
Носится Бабой Ягою?
Кто нагнетает мглу?
И на кого охота?
Тени приникли к стеклу,
Чтоб разобрать хоть что-то.
Но замело дома,
Улица стала чужою.
Это уже не зима.
Это разлад с душою.

* * *

Слякоть. Сумерки года.
Ширится поле темнот.
Солнце ушло с небосвода,
Город ушёл в небосвод.
Крыши размылись и башни,
Плавают окна впотьмах.
День перешёл во вчерашний
И под ногами размяк.
Новый забрезжил началом.
Сколько их было, начал...
Стрелки на круге гончарном
Крутит всемирный гончар.
Падает ртуть в неуклонном
Коловращении сфер,
Двигается снежным циклоном
Облако-Люцифер,
Ходят кругами вьюги,
Слякоть вмерзает в лёд.
Что на девятом круге?
Думаешь ночь напролёт.

* * *

В этом черном квадрате истории,
Где гнездится всё безотчетное,
Где дается всё априори,
Нам досталось самое черное.
Это тьмы над бездной империя.
Из нее ни выплыть, ни вылезти,
И в нее окунают перья –
Чтобы ими писать по безвидности.

* * *

Улица-призрак маячит за фонарем на углу.
Струйка луны выползла из подворотни.
Флюгер залеченный снова подсел на иглу,
Крутят его, развлекаясь, ветра-оборотни.
Ключ чертыхается в скважине ржавых ворот.
Дворник сметает в совок осколки Сатурна.
И, наблюдая весь этот мироворот,
Жвачку газеты жуёт полусонная урна.

* * *

Долгий вечер тянется к сводам окна.
В зрительном зале улицы – глубина.
Рампа бордюров в свете мелькающих фар.
Ветры надули лунный блестящий шар.
У неё глаза цвета морской волны,
Летнего неба, утренней глубины,
Бликов на яхте, изумрудной росы.
Так она грезится башням в эти часы
В сумерках Города, в ритмах его морей,
В переплетеньях уличных фонарей.
А заодесье
замерло дотемна...
Что в этой пьесе?
Только бы не война...

В преддверии 2 мая

Сумерки ступают к маю.
Близок. Вот-вот наступит.
Мается, бродит по краю,
По ковылю на уступе,
Море тревожит. Снится
Чёрному морю маёвка,
Стены, где выжжены лица
В чайные (крика? вдоха?).
Кружит больная память —
Стон в обгоревших лохмотьях.
Кто их сумел с ней сплавить?
Стали её плотью.
Воет: — Уж скоро, скоро
Заполыхает солнце.
Сбросьте его с собора,
Пусть оно разобьётся...

* * *

Эта улица
Никуда уже не ведёт.
Дом стоит,
А внутри он уже не тот,
Друг там жил,
Но и друг там уже не тот.
Постучишься в прошлое,
А оно – от ворот поворот.

Я иду по улице,
Где всё те же дома.
На табличке
Больше такой нема.
Я иду по улице,
Что сошла с ума.

Кто ты, улица?
Может, вспомнишь?
Давай!
В этом городе –
Улиц
Хоть отнимай.
Я иду по городу.
Месяц май.
Мне навстречу катит
Обожжённый трамвай.

* * *

Этот мир и без нас разберётся,
Этот мир и без нас проживёт,
Даже если вдруг вспыхнет солнце,
И расколется небосвод,
Даже если вздрогнут планеты
И сойдут со своих орбит,
Даже если всё-таки это
Кто-то высший предотвратит...
Даже если и даже не если
Разлетится всё в пух и в прах –
Будет ждать в условленном месте
В заповедных своих краях
Город-притча. В штормах лихолетий
Там отцы воздвигали мечту.
И уже заслужил он этим,
Чтоб стоять с ним плечом к плечу.

ВСЕМИРНЫЕ НОВОСТИ

* * *

И снова в мире скверный запах.
Сегодня он ориентир.
Горит Восток.
В болоте Запад,
И тошно всем от этих игр.

* * *

Век ли нынешний, будущий —
Всё одно и то же:
В небе путь указующий,
На земле — бездорожье.

Тяжёлые сны

1.

снятсЯ тяжёлые сны
от города до страны
и дальше – до той стороны,
до этой уже стороны...

полнитсЯ ими земля
небо вода, и я
вышла из берегов
нет мне пути назад.

2.

Снова в городе отключили день.
В тетради – темень, всё вповалку,
Слово на слове... Мир обалдел.
Ему бы сделать редакторскую правку.
Телевизор включает в розетку хвост,
Возвращается к жизни привидение-время
И шарит по ящикам, перетряхивая мозг
И циферблатами глаз наблюдая за всеми.
Только по ним и распознаёшь
Расположение клюва в дремучем пространстве.
Но толку что? Оно – филин, ты – ёж.
Ещё никто не увернулся, не спасся.
Снова ухает.
Колебания масс.
В воздухе носятся
Вирусы бессонниц.
Тревожно ворочаются
Личинки дремоты

В кавернах пней,
В болотных перинах.
По ним, пугая осоловевших лягушек,
Хлюпают мысли барсуков и ежей.

3.

Словно кто-то к родине отвык.

С. Есенин

Спит ребёнок в чугунной ванне.
Пули свистят в ранней рани,
В рваной ране
Мира, который на грани.

Время горевать Ярославне.

Вот она
Тоскует в Путивле.
Между нею и суженным
стену воздвигли,
Чтобы к родине бывшей отвыкли.

Скачет Игорь к своей Ярославне.
Змей Горыныч множится головами.
Спит ребёнок в чугунной ванне.

Снится ему адская домна.
Клятва ворога вероломна.
Чудище обло, озорно, огромно,
стозевно и лайя.

Лают сирены
С адской арены,
Лают служители Мельпомены

С передовиц мировой авансцены,
Водят свой каравай.
Под них подстраивается массовка.
Они словами жонглируют ловко.
Время пришло. Выбирай!

4.

Это – война,
оскал её жуткий,
С целью в конце,
с тобой в промежутке.
Баста! Закончены шутки.

Каждый боится быть на заметке.
И заострился слух у соседки.
Кто там на лестничной клетке?

Время овчарок. Рвякают: Хайль!
Не отзывайся, не открывай.

5.

У меня зазвонил телефон.

Корней Чуковский. «Телефон»

Нас проверяли. Всех. Со всех сторон.
На нервной почве сбрендил телефон.
То кашлял, то сморкался, то смеялся,
Потом ещё полночи извинялся,
То суржик подключая, то жаргон.

За что мне это всё на склоне дней?
Ведь я не Мандельштам, и не Корней,
Не Вера Инбер я.

Я просто Вера.
Но за окном уже другая эра.
И воздаётся всем, увы, по ней...

6.

Тетрадь под надзором. Сны в опале.
Они теперь только в самиздате,
В тайной расщелине у Лукоморья.
За них дают пожизненную бессонницу.
Население спит с открытыми веками
На случай обыска или проверки.
Самым примерным жалуют га-шиш
Сладкой премии гоголя-нобеля.

7.

...снились Навуходоносору сны
(Дан. 2:1)

Ставят на Рейх.
Мир – ишподром.
Ходишь по струнке.
Славишь погром.
Скачешь под дьявольский метроном.
Это
Стокгольмский
Синдром.

Тьма беспросветная вышла в дозор.
Что было свято, отныне – позор.
Стонет
Навуходоносор.

Снится ему гигант-истукан,
Завоеватель, гроза всех стран.
Он простёрся за океан.

Тело его – разнородная смесь:
Золото, глина, железо и медь.
Глядишь, и обрушится весь.

Всё, что останется – поле могил.
Выстоять больше не хватит сил.
Что там пророчит Даниил?

Стонет Навуходоносор во сне.
Плачет Ярославна в Путивле на стене.
Спит ребёнок на чугунном дне.

8.

...Кажется, мы потерялись в пространстве.
Или во времени. Или в том и другом.
Трудно сказать наверняка, пока
Пространство и время сосуществуют,
Как тело и душа. Пространство – тело.
Время – душа. Оно беспокойно,
Оно разъедает жилы пространства,
Заставляет его пульсировать, болеть,
Сохнуть, обрушиваться, истекать потопами.
Без него пространство окоченеет,
Покроется коррозией, перестанет быть.
Быть или не быть – вопрос пространства.
Это оно, безутешный Гамлет,
Ловит знаки привидения-времени,
Верит в его допотопные рассказы.
Время катится по нему, полыхает,
Как шаровая молния по полю жизни.
Кто перешёл его – тот погиб.

9.

*В Польше и Италии запретили Чайковского, Шостаковича,
Достоевского и Чехова. (Из газет)*

Снимает время фильм на Оскара.
Мелькают эпизоды разные.
По улицам ведут Чайковского,
У дирижёра руки связаны.
Всё громче лейтмотив нашествия,
Устроен самосуд в Милане –
Приговорили Достоевского
Без преступления к наказанию.
Они давно глаза мозолили.
На них аншлаги бесконечные.
В ГУЛАГе мировой истории
За то барак им обеспечили.
И дяди Вани, и щелкунчики,
И даже маленькие лебеди
Предстанут как великомученики
В полуразрушенном наследии.
У помрачения – агония:
То мнутся мальчики кровавые,
То Ленинградская симфония
В большом концертном зале в Кракове.

10.

В полночь, когда замирает всё в дуплах,
Коре, подземельях, запруженных водоёмах,
Филин выходит на лунную охоту –
Каждую ночь он охотится на сны.
Они бросаются врасыпную, как мыши,
Чтоб слиться с теменью, превратиться в тени.
Клюв его стрелок остро отточен,

Два циферблата его глаз
Крутят стрелки в зеркальном направлении,
И всё живое прижимается к земле.
Кольшутся рыбы на блюде водоёмов,
Вязнут птицы в болотах воздуха,
Звери зажмуриваются, и ночной страх
Их погружает в топи оцепенения.
Звери боятся превращений пространства,
Звери читают на языке тьмы.
На нём написаны все инстинкты,
И все стихии разговаривают на нём.

11.

В Одессе заминировали пляжи, поначалу не предупредив население.

(Из газет)

Историю прибрала свора.
Её оскал знаком донельзя,
Уже в Лузановке минёры,
Повсюду воющая песня.
Ребёнок, не ходи на берег.
Тебе ещё не сообщили...
Ты можешь стать одним из первых...
Мы все в языческом заснатье.

Дни окаянные, лихие.
Прощай, свободная стихия.

12.

Лес – на подступах к городским улицам,
Стиснуто горло домов и площадей,
Кляпами заткнуты колокольни,

Мычат купола в подушку облаков,
Лежат небоскрёбы с поломанными хребтами,
По ним разгуливают стада свиней –
Любителей сладких даров Цирцеи.
И только чёрный дом из пепла,
Выситя, словно зловещий обелиск.
Всякий раз, как отключают день,
В нём резвится чёрное пламя,
Мнёт бумажные фигурки узников,
И они изгибаются, корёжатся, трещат.
Если бы звери умели смеяться,
Они бы ощерились в диком хохоте,
Они бы катались в бурьяне до изнеможения,
Глядя на этот театр теней.

13.

*Не полагайся на сильных мира сего – нет в них спасения.
Когда возвращаются они в землю свою, исчезают все их
помыслы.*

(Псалом 146)

Мы все на прицеле
У конечной цели.
Но и стрелку не избежать конца.
И выход один лишь на самом деле –
Остаться, чего бы от тебя ни хотели,
Если колоколом, то на пределе,
Если глиной – то в руках Творца.

Американские хроники

1.

Бедный Гамлет был всё-таки прав.
У пространства здесь лютей прав.
Время вывихнулось из своих суставов,
И коршит над ним костоправ.

Ходят люди в обличье зверей.
Ходят монстры в обличье людей,
По ночам сбиваются в стаи.
Кто затейник этих затей?

Это что – трагедия? Фарс?
Это что – Земля или Марс?
Я пишу марсианские хроники.
Этот год. Этот день. Этот час.

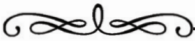

2.

В этом городе
даже луна с закрытыми всходит глазами,
Каждый предмет
кажется собственной тенью,
Каждый живущий – словно заброшенный замок,
И по ночам в нем бродят его видения.
Роятся в прошлом. От них заводятся мыши.
В темных амбарах его всё сильнее их топот,
И по ночам душа только их и слышит.
Их выведением занят жизненный опыт.
Скоро уж, скоро снегом припудрятся ели,
Дух небылиц будет отпущен на волю.
Снег поначалу легкий – потом тяжелеет.
Впрочем, как всё, что соприкоснется с землею.

3.

Три часа ночи. Луна в повязке тучи
Мучается мигренью.
От этих дождей распухла и выглядит пьющей,
А на самом деле
Сухой закон на её поверхности,
И в кратерах – сплошная желтуха.
Кажется, тронешь – и распадется от ветхости.
Время в дупле кукушкиных ходиков ухает.
Кто подобрал им этого филина?
Кто бы то ни был, так им надо.
Хоть бы одна задремала извилина.
Это из ряда вон...
Сколько осталось ещё до чего-нибудь?
Запад зашёл за восток. Что делать?
Тьма равняется эм цэ в круге.
Всего их – девять.

4.

Манхэттен. Солнце не выдержав нагрузки,
Плюхнулось на небоскребы, распласталось на брюхе.
Сваленные в кучу, как битые моллюски,
Темнеют бездомные. К ним ластятся мухи,
Лижут им лица, мурлычут, клянчат,
Ходят кругами, тычутся мордой
В позеленевшие блюдца фонтанчиков.
Сабвей приливает электричками к городу.
Вспыхивают осколки стеклянных офисов.
Закат. Манхэттен объят пожаром.
Желтых такси обозленные осы
Несутся, сигналия пронзительным жалом.
Кричат воробы, взрываются лужи,
Брызги прожигают все, как сигареты,
И одежды пытаются спасти свои души,
На которые с утра они были надеты.

5.

Город кишит ночными привычками.
На столах бутербродов разложен пасьянс.
Выгибаясь, саламандры с горгоновыми косичками
Включают светофоры ядовитых глаз,
Зазывая в переулки – заводи эrogenных
Зон, где отбывает свой срок плоть.
Фонари с добавками галлюциногенов
Высвечивают бродячих собак лохмотья.
На люках призраками фиолетовыми
Мощи странников греются. Между нищими
Шуршат промасленными газетами
Древние читатели остатков пищи.
Деревья разбрасывают листовки, требуя
Социальных свобод для беспризорного мусора.
В одиночке из небоскребов чахлое небо
Ждет второго пришествия Пруста.
Город неспящих, свихнувшихся гамлетов,
Фаустов, чацких, старух-процентщиц,
С облавами бедных на богатых
(Одних всё больше, других всё меньше).
От старого театра пожарная лестница
Уносится сточной канавы руслом.
– В такую погоду хорошо повеситься*... –
Бормочет дядя Ваня на ломаном русском.

* Реплика Войницкого из «Дяди Вани» А. П. Чехова.

6.

Кварталы метастазируют заколоченными
апартаментами.

Ночью в них кто-то ходит-бродит,
Дышит сквозь щели, разговаривает с ветром,
Вызывает вьюги потусторонних мелодий.

Их шушуканье – сплетни да смуты,
В их воронках ураганит амок,
Они баюкают: «Не ложись на краю ты»,
И город ворочается с боку на бок.

Стонут чайки вдоль океанской лагуны.

В кельях раковин кто-то молится.

Ветер от нечего делать дует,
И всплывает, вся в водорослях,
Луна-утопленица.

7.

Что-то вспыхнуло и заколыхалось во мгле,
Словно демон зажжёт свечу на столе
И гривастым пламенем львиным
Осветил неживые оскалы машин.
Корабли приставали,
И пирс их душил
Отпльвающих пёстрой лавиной.
Провода замыкало. Свет падал на дно
Развороченных люков,
Где влажно, темно.
Ветер в урнах с поспешностью рылся.
И бродяга смотрел и качал головой,
И обрывок газеты взлетал, как живой.
А под ним – удивлённая крыса.
Пламя с тьмою сживались как *contra* и *pro*,
И граффитчик качался под рокот метро
И писал по бетонным скрижальям.
Звон тарелок и вилок раскалывал сквер,
И мутировал город химерой химер
Под свечи полыхающим жалом.

8.

К зиме всё чаще просыпаешься в потёмках.
Перевести, что ли, стрелки часов, думаешь,
Обмануть себя или солнце или комнату.
А лица друзей кружат между веками,
Будят, и греешь каждого памятью,
Надеясь, что будет не так им зябко
Просыпаться в предзимних молчащих комнатах
С натянутой тетивой ожидания
И стрелкой часов, нацеленных на жизнь...

* * *

Мне снится человек.
Он жив? Его убили?
Его спасли?
Устроили побег?
Он кто? Никто.
Он из золы и пыли,
Земного праха.
Просто человек.

Какое он ко мне
Имеет отношенье?
Зачем всю ночь
Он сон буравит мой?
Что просит он?
Сочувствия? прощенья?
Отмщения?
Что хочет он?
Домой.

Мне снится человек.
Он чей? Он друг?
Прохожий?
Откуда родом он?
Из ближних?
Дальних мест?
Он родом из земли
Утерянной.
Он Божий.
И верую –
У нас один замес...

* * *

Быть может, всё не так,
Быть может, в самом деле
Всем правит лишь расчёт
И случай, а не Бог,
Быть может, смысла нет,
А есть лишь только цели,
Для каждой есть мишень,
У каждой есть стрелок.

Но даже если так,
И не было скрижалей,
А просто зов души
И дерзость беглецов,
Что землю обрели
И землю удержали –
Есть верность сыновей,
Есть мужество отцов.

А если всё же был
Тот свиток первозданный,
Что Яков изучал,
Исход, и грех Тельца,
И ропот у границ
Земли Обетованной,
То был и плач сынов,
И радуга Отца.

* * *

Иерусалим вырисовывается из поднебесных сфер.
На переходе счётчик тикает, как бомба,
В каждом окне взрывается кондиционер,
Луна до рассвета глядит в оба.

По ночам оглушителен каждый шаг.
Ходикам ритм Шостаковича мерещится.
Какое время, такой и тик-так.
Якову снится его лестница.

Сколько ступеней? Поди, сосчитай...
Яков считает во сне вполголоса.
Лестница – вихри ангельских стай.
Яков движется по лестнице Мёбиуса.

Мир по ночам – воспалённый мозг,
Котёл, где прошлое варится с будущим.
В неоновых лунах воскресает Босх,
Диву даваясь воплотившимся чудищам.

Босху снятся окаянные дни,
Когда кистью макал в ДНК мироздания.
Чудищам снится, что это не они.
Снится холсту темнота предсказания.

Лестнице снится дверной проем,
Черного моря звёздное зазеркалье,
Трещины, двор на развилке времён,
И возвращенье к зыбучей горизонтали.

ОДЕССЕЯ

* * *

Прошли века Трояна...

Слово о полку Игореве

Прошли века Одиссеи и Элиады.
Теперь времена Одесsey и Айболиады.
Всё возвращается на крути Гомера.
Гомера нет. Но зато есть Вера.

Всемирные одесские новости*

* * *

Вот вам всемирные одесские новости:
Все разлетелись на бешеной скорости.

* * *

Наступило продажное время.
Продаётся всё вместе со всеми.

* * *

Всё, что поддержано СМИ, не множь!
Мысль разрешённая есть ложь.

* * *

Гингема расплёскивает варево ураганов.
Жевуны жуют свою жвачку беспрестанно.
Всем втирают зелёные очки.
Вавилонская башня построена почти.

* Газета «Всемирные одесские новости» была основана в 1990 г. Евгением Голубовским

Амаркорд

Когда мы шли с закрытыми глазами
И ничего не видели вдали,
Газеты раздувались парусами
И громким обещанием Земли.
Мы шли на пристань. А зачем – не знали
И не хотели, в глубине души,
Мы просто шли с закрытыми глазами,
Или казалось, может быть, что шли.
Был взят билет к Земле Обетованной.
И от мечты уже на волосок,
Следили все за рубкой капитана.
Но он не знал, где запад, где восток.
Кружился тополиный пух бесцельно,
Как будто осыпался с облаков.
По пристани сновали поколения.
Все ждали с нетерпеньем отправления.
Но это был корабль дураков.

* * *

Одесса – архетип Города.

Марина Кудимова

Куда судьба ни заносила нас!
В Италию (родился Дерибас),
Во Францию (Дюк Ришелье, и там же –
Великолепный Ланжерон. Не путать с пляжем!),
В Германию и Австрию (как в Вене,
Наш оперный скроили Гельмер-Фельнер,
Но получилось во сто крат роскошней),
И в Грецию, и в Турцию, и в Польшу...
И что открыли эти переезды?
Вся карта мира – справочник Одессы.

* * *

Мир стал Содомом и Гоморрой,
И вот уже который год
Одесса – яблоко раздора
И сверх того – запретный плод.

Из-за неё все лезут в драку.
Но Бог упас Эдемский сад –
Прикрыв Адама с Евой спину,
Пинком их выпвырнул под зад.

И пусть послужит эта притча
И одиссеям наших дней:
Хоть рифма к «драке» неприлична,
Но сзади вид ещё срамней.

Пушкинские мотивы

1.

Вновь у Старухи на посылках,
И стравлен мир исподтишка.
Несутся в бой – в башке опилки –
За золотого петушка.

О петушке они не в курсе.
Ведь им обещаны луга.
В ответ на оклик: «гуси-гуси!»
Зигуют дружно: «га-га-га!».

Что, Просвещённая, бушуешь?
Ученья изливаешь яд?
Несёшь напшкрябанный для чудищ
Единым почерком плакат?

Визжат: «свобод!» В подтексте: «в гетто!»
Чума во всём, чума везде.
Мы всё это читали где-то.
И даже точно помним, где.

Всё тот же клич, всё те же толпы,
Всё тот допуск на разбой.
Прощай, свободная Европа!
В последний раз перед тобой.

2.

К 190-летию написания “Сказки о рыбаке и рыбке”

Золотая рыбка в Чёрном море резвится.
Ворочается ночами заморская царица.

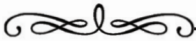
Снится ей город
С златоглавыми церквами,
С шумными улицами,
Памятниками, дворами...
Посылает за рыбкой своего старика
И флот снаряжает, чтоб наверняка.
А на утро плавают
Кораблей корыта,
И планы заморской царицы разбиты.
Сидит и считает свои убытки.
Не читала, видно, сказку
о Золотой Рыбке.

3.

В Городе ввели комендантский язык.
По улицам снуют натренированные овчарки.
Издают предупредительный рык.
Горожане усваивают правила «молчанки».

Закон не распространяется только на глухонемых.
Правда, имеются исключения –
На прицел взяты памятники, потому что их
Молчание расценивается
Как запрещённое речение.

А море рокочет,
А с берега лают в упор,
И это выходит уже за рамки.
Недовольно в глубинах ворочается Черномор.
Кликнет витязей,
Тридцать три – и в дамки!

Лай в ответ пуще прежнего.
Море вот-вот закипит.
На каждую волну по овчарке спущено.
Но свободной стихией повелевает пиит,
И она рокочет на языке Пушкина.

4.

Три родины в древе моём.
Одна – где прибой за углом,
И «краб»* на отцовской фуражке,
И улиц семейный альбом.

Другая – где вьётся метель
Сюжетами выюжных затей,
Рождённых *заветною лирой*,
Что этой земли цитадель.

А третья – Обета причал,
Песков бесконечных печаль,
И тяжкая ноша скрижалей,
И плач, и начало начал.

Три родины в древе моём,
И в каждой – душа, дух и дом.
Все три – мой оплот и держава.
Мой Город возрос на том.

Три родины – три пути.
И к каждой идти и идти...

Кокарда на морской фуражке (разг.)

* * *

Наш трамвай не заблудился.
Он идёт по тем же рельсам,
По тому же расписанью
И по той же мостовой.
Он поёт всю ту же песню
Про красавицу-Одессу,
Ненаглядную Одессу,
Где все те же и прибор.

Если скажут: Ах, как скучно!
То ли дело за морями,
Где всё ново, непривычно
И такие чудеса,
Что не снились вашей маме,
Вашей папе, папо-маме,
Значит в той заморской яме
Их растили неспроста.

А у нас – другие вести:
Наш трамвай на прежних рельсах.
Он идёт по расписанью,
Но не в это шапито,
Где в программе мракобесье.
Он поёт всю ту же песню
Про красавицу-Одессу,
Ненаглядную Одессу,
Невзирая ни на что.

Одессослов

1.

Мин медузы,
История на развилке.
Пепел берега.
Пушкин в ссылке.

Снят с постамента
Основатель, и с тех пор
Ходит по Городу
Командор.

Полночь мира.
Все ждут команды.
Время Шекспира.
Пространство Данте.

2.

Нет повести печальнее на свете –
Шекспиром обрядился генерал.
Сражаются Монтеки с Капулетти.
Мир смотрит грандиозный сериал.

Ведутся съёмки прямо с поля боя,
Военных действий огнедышит театр,
Мы следуем под взрывы за Судьбою,
И оператор шумно дышит в кадр.

Удар – удар. Прилёты и ответы.
Сценарием владеет Голливуд.
Но нет в нём ни Ромео, ни Джульетты.
И пьеса вырождается в абсурд.

3.

Неважно, что там, в суете мирской,
 А здесь – солдат ли, витязь ли морской –
 Пекутся о родимом бреге,
 О горсточке земли как обереге.
 А тот, кто превратил всю землю в тир
 И мировую карту расчертил,
 Чтоб обустроивать второе гетто,
 Забыл, что родина – особая примета,
 Не номер на руке – ориентир.
 Солдат и родина –
 Ромео и Джульетта.
 Но в пьесе от небесного Шекспира
 Последний акт – о возрожденье мира.

4.

Бедный Йорик! ... с бесконечным юмором и дивною фантазией.... Где теперь твои шутки...

Шекспир. «Гамлет»

Полночь.

Город плуствует впотьмах,
 Ищет прошлое. Молит: - Бога ради,
 Подскажите, где захоронен его прах?
 Двигается памятью на свой риск и страх.
 От свободы осталось название радио.

Йорик-дворик,

С кусочком луны над трубой,
 С бесконечным юмором,
 С тёплым воздухом сдобного хлеба в пекарне...
 Ты носил на плечах детвору, за тобою гурьбой
 Бегавшую, качал заходящее солнце на ставне.

А теперь на запоре ворота, на мели облака,
Перекрашены стены, история, в родословной прочерк.
Грусть не в том, что жизнь коротка –
В том, что память короче.

Йорик-дворик,
Города колыбель,
Где твои каламбуры, веселье твоих застолий?
Заблудившийся Город
Стучится в тёмную дверь.
И ему открывает море.

5.

Город в розыске.
Обследуют за кварталом квартал.
Он объявлен разносчиком опасного духа.
Ему грозит трибунал
За мятежность лестницы, благородство Дюка,
Пыл Де Рибаса, взявшего Хаджибей,
Основавшего наперекор надменному соседу
Чудо-мост меж Россией и Европой. Бей
Отщепенца, праздной победу!
Слава Рейху! Два прихлопа один прыжок.
Гольфьба гуляет. Прошное грабят.
Сломан компас. Как попасть на Восток?
Стрелка всё время показывает на Запад.
Оккупанты-волны русский дух несут к берегам.
Их решают взорвать. И как можно скорее
Город казнить. А затем – в бега,
Чтобы не успели вздёрнуть на рее.
«Слава фараону!», – бьют в колокола.
Народ безмолвствует.
Слышен скрип Трамвая.
Приговор оглашают: Город сжечь дотла
В Доме Профсоюзов 2 мая.

6.

Моря достались Альбиону...

А.С. Пушкин, «Евгений Онегин»

Ночь состоит из ломаных линий
И вспышек комнаты между веками.
Уснёшь и снова в тёмном камине
Древо шаркает сухими ветками,
Волхвует, откатывая дни за днями.
Не тот ли, думаешь, дуб зелёный?
И продвигаешься к долговой яме.
А море отчаливает к Альбиону.
Крошки звёзд просыпались в пропасти.
Налетели чёрные птицы-вороны,
Молчаливо склевали горсть за горстью,
И раздул их ветер на четыре стороны.
В середине мира – дыра над бездною.
На вершине мира – кормушка звёздная.
У подножья мира – кровать железная
И чьё-то «я», никем не опознанное.
Свечка, зеркало, горстка пепла.
Сползло Лукоморье к самому склону.
Там же звезда перед смертью ослепла.
Кому всё достанется? Спи. Альбиону.

7.

Никому не верь на войне.
Все мы, все мы горим в огне.
Все мы, все мы лежим на дне.
Все мы, все мы стоим в окне,

Ждём, когда они крикнут «ура!».
Ждём, когда завершится игра.
Ждём, когда наступит вчера.

Тьма над бездной. Обрыв бытия.
Не вернёмся на круги своя.
Ни они, и ни ты, и ни я.

Этот том зачитан до дыр.
Мы с тобой – человеческий тир.
Ходят вместе чума и шир.
Ходят вместе война и мир.

Стадо мира бродит впотьмах.
Беспредел набирает размах.
Вьюжит, вьюжит Чёрный монах.

Он владеет мной и тобой.
Он владеет каждой судьбой.
Пронесётся – идут все в бой.
Унесётся – трубят отбой.

Стадо мира бредёт на убой.

Он диктует за шагом шаг.
Он несётся, откуда мрак.
Он предскажет и будет так.

Ну а может, это не он
Повелитель душ и времён
И ветров с четырёх сторон.

Может, это страх в глубине,
Там, где дух твой залёг на дне,
Там, где совесть горит в огне,
Там, где ты замираешь в окне.

Никому не верь на войне.

8.

Хоть построй вокруг изгородь,
Запрети его речь,
Этот Город не вытравить,
Этот Город не сжечь.
Хоть ордою кочевников
Накати, как волна,
На страницах учебников
Замени имена,
Пришлой антикультурой
Жги отцовский завет,
Самурайской сакурою
Режь акации цвет,
Он вберёт все речения,
Свяжет, преобразит,
*И на встречном течении**
Возрастёт одессит.
Из таких и слагается
Город – мира оплот,
Белый ангел акации,
Белых чаек полёт,
Пароход белый-беленький,
Неподвластный ветрам,
Лукоморье у берега,
И над берегом – храм,
И наречий мелодии,
Родословные лиц...
В этом дворике-Городе
Корни мира спелись.

* «Встречное течение» – концепция заимствования в литературе, принадлежащая А. Веселовскому.

АЙБОЛИДА

* * *

Может быть, ты
Не заметил сразу,
Но мир вошёл уже в новую фазу –
Человечество истребляют, как заразу.
На арене
Фашисты
И нео-
коло-
ниа-
листы,
Им подыгрывают
Скрипачи и пианисты,
Им подпевают
Мировые солисты,
Их неистово
Вызываешь «на бис» ты.

* * *

Людям сказали: вы больны.
Людям сказали: вы хотите войны.
Людям сказали: вы должны
Делать, как вам говорят.

Заколотили небесный свод,
Затем водрузился на нём кукуловод,
Затем созвали честной народ
И всех построили в ряд.

И люди сказали: мы больны.
И люди сказали: хотим войны.
И люди сказали: мы должны
Говорить, что все говорят.

И это был их последний день.
И после этого наступила ночь.
И никто не сумел помочь.

Слово о...

1.

Не настало ли время, братья,
В духе старых былин поведать
Эту повесть, страстей исполненную,
О всемирном затмении
У земного населения.
Да будет же песнь начата
Как правдивая наша история,
А не вымысел изощрённый СМИ.

СМИ-Боян, соловей всем известный!
Уж какие песни сложил ты,
Как же ты изощрялся пристрасно,
Как заумно слагал ты куплеты,
Восхваляя поочерёдно
То одну, то другую фирму
С чудодейственным зельем-Горынычем!

2.

Все укрылись во мгле телевизоров,
Репортёры стрекочут взбудоражено,
Ухают филинами, трещат сороками,
Давят на первобытные инстинкты.

Молча выстроились
В глубине ночи
Санитары с иглой наготове.

3.

И нашло на землян затмение,
Страшен ночи лик среди бела дня.
Засвистал, завыл мир встревоженный,
Заметался див
На каналах ТВ,
Кличет беды,
Велит прислушаться:
Кто крамолу наводит – пиши донос,
На него, на соседей, на родственников.

Слушай-вслушайся в голос вражеский,
Падай ниц и рукав закасывай
США,
Европа,
И Ближний Восток,
И ты, обыватель, Тьмутороканский болван!

4.

А дельцы дорогами проложенными
Полетели на все четыре стороны:
Трубят, их приход возвещая,
Архангелы здравоотравления.
Каждый в ампуле затмение несёт.

А беды на дубах вьются птицами,
А политики по оврагам рыщут волками.
И орлы на вершине мирового порядка
Своим клёкотом предвкушают пир,
И лисы-репортёры
Брешут яростно:
О, земляне, скоро вам капут!

5.

Долго меркнет ночь,
Свет зари запал,
Утащил поля в подземелия.
И любого цвета
На любой вкус
Строгает солдатиков Урфин Джюс.

6.

Что за фарс перед нами разыгрывают,
О, вещей филин Гуамоко,
О, злая колдунья Гингема,
О жующие жвачку жевуны?

Но они молчат, не отзываются.
Фантомасы по земле расползаются.
Озадачился преподобный Луи де Фюнес,
Буратино плянется на поле чудес,
И летают кошмарики
На воздушном шарике.

7.

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга!
Мировой шалит бандюга.
Не спасётесь ни фига.
Он давно уже продумал,
Как стереть с лица земли
Катку с Ванькой,
Тома с Бекки,
Кая с Гердой,
Сарру, Ли...

Вьюгой дунул,
Свистнул в полночь,
Созывая на грабёж,
И пришли к нему на помощь
Карл Бессмертный
Чёрный Джорж
Деревянные солдаты
И другие аты-баты.
И просчитывает мир
Вильям третий, лже-Шекспир.

8.

*Двадцать четвёртую драму Шекспира
Пишет время бесстрашной рукой.*

Анна Ахматова, «В сороковом году»

Двадцать четвёртую драму Шекспира
Пишет Вильям-Хайтек. За судьбой,
Им оцифрованной, две трети мира,
Не прочитавшие «Цезаря», «Лира»,
Чинно-покорно идут на убой.

9.

Птицы улетают в тёплые края
Всё возвращается на круги своя
Часть населения за самоистребление.
Нет сознания – нет и бытия.

10.

Тяжко голове без плеч,
Беда телу без головы,
Стране без правителя,
А земле – без Избавителя.

Кривая времени

Послание в бригаду 104

1.

Друг мой бесценный, Иван Денисович,
Товарищ по несчастью. Как ты там
В своём бараке, в бригаде 104?
Всё, что ты в прошлом веке не успел,
Мы завершили и с большим успехом.
Видишь, и рай на земле достроили.
Теперь он разросся аж до Новой Зеландии.
Там такие сколотили бараки!
Говорят, для военных. А гонят нас
В терем-теремок, «Соцгородок».

2.

*В пять утра пробило подъём –
Молотком об фельс у штабного барака.
Даже у нас здесь повскакивали с нар.
Вот что делает кривая времени!
В этом времени вообще всё криво.
Мир – сплошные, пардон, Васюки.
Куда ни сунься – все те же правила.
Но кривая вывезет. Главное не дрейфь.
Видишь, и у нас теперь время декретное.
Солнце выше всего в час дня.
Кто отправил время в декрет?*

3.

И какой же Бендер всё это выдумал?
Мир разделён на чистых и нечистых.
А ты всё мечтаешь попасть в медпункт,

Словно забыл,
Что сказал бригадир:
В лагере подыхает надеющийся на санчасть.
Е-2, е-4 твою мать!

4.

Нас окружает мир до-потопный.
В космос летают одни главари.
Строят свою Вавилонскую башню,
Ломают границы, спутывают языки.
Все тут дохнут, а они – на орбите,
Бремя тягот, возложив на нас,
Кружат без совести
В полной невесомости.
Доступ в Ковчег – через Aúswéis.

5.

Всё началось с великого затмения
В полку Игоревом. Он зашёл не в ту степь.
То ли им всем огурцов не хватило,
То ли живой воды на опохмелку,
Только их руки покрылись наколками
Грозных языческих чудищ-богов.
Воины стонут, болеют, хиреют.
Нет больше сил удерживать меч.
Урки приставлены их стеречь.

6.

Чудище обло, озорно, огромно,
Цербер, вступивший в мировые хоромы,
Яд изливающий с чёрною кровью

На род всех смертных, живущих на земле.
Вот оно вышло из древних писаний,
Лапы свои отряхнуло от литер,
Пастью стозевной смрадно дыхнуло,
Встало на страже темниц и *лайлй*.

7.

Смерть Кощева на кончике иглы.
Иван Денисович моет полы.
В огороде бузина, а в Киеве дядька.
Едет на помощь всадник без головы.
Он сражался с засильем мирового режима.
Победил бутылку. Выпустил джина.

8.

Что нам делать? Надежда прокисла.
В жизни нет никакого смысла.
Совесь ворочается, как принцесса на горошине.
Целую ночь поминает прошлое.
Совсем *затолкали тарифа взашей*.
Время летает Змеем Горынычем,
Оракул вещает: «Вылечим, вылечим!»
Да здравствует великий доктор Франкенштейн!

9.

Эти суки – дай им только карты в руки! –
Крапят колоды. Травят анекдоты
Бедному Герману про три карты,
Разжигают в нём низменные азарты.
Обещают свободу и в день по бутерброду,
И кока-колу на сдачу,

И супермаркет в придачу.
Герман ведётся, хоть и трясётся.
Но ему в этой книге
Суждено проколоться.
Он думает, впереди у него Гагры и Ница
И дама, выгуливающая белого шпица,
А впереди у него *безумная больница*,
Где всяк *мечтает уколиться и забыться*.

10.

Вот к чему приводят эти сказки!
Герман в отключке или в завязке.
Больше не играет. Но слишком поздно.
К базару нельзя относиться серьёзно.
Нам потеха. Бригадиру премия.
Всем вещают про глобальное потепление,
Про спасенье природы. Овцы рады,
Что волки сыты и охраняют стадо.
При них открыта
Контора «Рога и копыта».

11.

К власти, кажется, пришёл Чехов –
Все говорят, говорят без остановки.
А может – Крылов. Ведь воз и ныне там.
А может – Обломов, раз всем всё пофиг.
А ты как думаешь, Иван Денисович?
Кто виной этому мировому расстегайству?
Хотя, ты в этом ничего не смыслишь.
Высокие материи тебе ни к чему.
Ты – в рядах законопослушников.

Ну и просыпайся себе по звонку
Всякий раз на первой странице

Одного своего счастливого дня,
С таким же счастливым, как ты, читателем,

С шаткой надеждой попасть в медпункт.
А мы перекантуемся как-нибудь тут.

* Скриптом выделены цитаты из произведений
Солженицына, Пушкина, Радищева и Высоцкого.

Машина жизни, или Айболит-22

1.

дыр-бул-щыл

А.Е. Кручёных

Добрый доктор Айболит сомневается:
- Это что за дыр-бул-щыл затевается?
Кто убеш нас намерился? Щур, меня, щур!
Никаких самозванцев не допущу!

2.

Павлов листает «Рефлексы» Сеченова.
Там лягушка на картинке расцветена –
Головной мозг отключён, болтается без помех.
Население полегло лапками вверх
И ждёт второго пришествия Самозванца –
Лже-Айболита с лютыми медсанкциями.

3.

О игла, эмблема нашего времени!
Все идут к тебе на поклон –
И корова, и волчица, и слон.

А собака Павлова возгордилась.
«Вот и я, – говорит, – сгодилась:
Показали шприц –
Все пали ниц.
А невавшие впали в немилость».

4.

Говорит Воротынский Шуйскому
(Оба в медиков переодетые):
– Вот злодейство кругом ужасное!
Не на шутку борьба за трон мировой...
Толпы ходят, митингуют, бастуют,
Против мандатов голосуют,
Кричат о религиозных свободах,
Об истреблении народов,
Об убийстве невинных младенцев,
На чьих генах настояны впрыскивания отщепенцев.
Только зря поднимают шум и гам.
А ВОЗ и ныне там!

5.

«А ведь правда – везде измена зреет.
Что же делать мне?» – думает а-ля Басманов. –
Изменить присяге? Себе? Истории?
Обрядиться лекарем? А клятва Гиппократата?
Покориться Самозванцу, не перечить ему?
Или стоять за лечение отечественное,
Веками проверенное – из баньки да в ледяную воду?
Или – ну его на фиг! – вколоть народу
Эту бадью? Всё равно потравится
Самогоном ли, одеколоном... кому что нравится...
Иначе меня самого заколют,
И никакие монахи меня не отмолят...
Каждые полгода по новому бустеру...
А после заболею, подобно Саве Шустеру.
Меня посадят на самоизоляцию.
Добро бы в Италии. Но до неё не добраться...
Плюнуть на всё... Дела мои неуютны...

Но смерть... но власть...
Но бедствия народны...

6.

Отключение мозга состоялось в полночь.
Айболит-22 предложил сдаться.
Мозг потребовал предъявить полномочия,
Но к Айболиту присоединились трое в штатском.

- Вы кто? - пытался вывести их на чистую воду
Мозг, и без того уже изрядно попользованный
Мировой пропагандой. Но ему дали в морду
И вырубил самым беспардонным образом.

7.

Мир поделили, как и договаривались.
Вильям лже-Шекспир взял оцифрованным мозгом,
Финансы ушли в распоряжение Санта-Клауса,
СМИ были отданы Джорджу с подростком.

- А судьи кто? - Негодовало население.
Джордж уверил, что всё давно схвачено.
Население заглохло. Прошёл слух об отравлении.
СМИ возвестило о новом правлении.
Народ безмолвствует. Судьи тем паче.

Бездорожье

На заре пандемии во всём мире только один человек осмелился сказать правду о происхождении COVID, его лечении и коррумпированных глобалистах – Владимир Зезв Зеленко. Зезв был больше, чем доктор. Зезв был борцом против медицинской тираннии.

Из мемориальной страницы Зезва Зеленко

Памяти Зезва Зеленко

1.

*Гендиректор Pfizer: Израиль стал
мировой лабораторией по проверке вакцины.*

Это полный успех
Это полный ликбез.
За окном – Третий рейх
И Großer Mercedes.

Отснят первый дубль.
Сцена зла удалась.
На дорогах патруль.
Приготовь Ausweis.

Поток. Амаркорд.
Играют ва-банк.
Детишек – в расход.
Впереди Анна Франк.

Образцово-показательный
Израиль нарасхват.
Коллективное бессознательное
Победило. Виват!

2.

История рассудит истерию.

Проф. Кимрон, Тель-Авив

Опечалился город Ершалаим –
Фараон лютует. Не поладить с ним.
Оккупировал Землю Обетованную.
В самолёт не сядешь уже без клейма.
Больше так не отпустит. Дурных нема.
Прикарманил все QR данные.

Поменялись местами низ и верх.
Говорят, что планеты не хватит на всех,
И теперь, во спасение человечества якобы,
В этой новой повести временных лет
Израиль проводит массовый эксперимент
Над коленами Авраама, Исаака и Иакова.

И движется, движется, как сто лет тому,
Всё к тому же Менгеле, всё к тому,
На его прокрустово ложе
Череда отцов, матерей и детей
За допуск к работе, за хвалу соцсетей,
За то, чтобы всё как положено.

Где ты, Пинхас-ревнитель наших времён,
Что возвышен Творцом, человеком – клеймён?
Порази мировую распутницу!
А она: - Что, бунтуешь? Ну, двигай, давай,
Через Красное море в обещанный рай.
Поглядим, коли воды расступятся.

Раввинат озабочен, собирает Совет.
С фараоном в тайне подписан завет.
Путь к ешиве – через лабораторию.
А Израиль вознёсся. Ему почёт.
И останется выживших наперечёт.
Но зато он войдёт в историю.

3.

*Все данные о вакцине будут предоставлены
только через 77 лет.*

Документы подписаны «совершенно секретно».
Доктор Менгеле лично во главе эксперимента.
Свобода отдыхает в солнечном гетто.

Регуляторы дали молчанья обет.
Ученье – тюрьма. Неученье – свет.
Остальное откроется через 77 лет.

4.

*...Помните сей день, когда вы вышли из Египта, из
дома рабства*

Исход13:3

Моисей сокрушается на вершине Горы.
Принял Израиль языческие дары.
- Вот что затеял! Вот что удумал!
Всем дал фору, всех переплюнул.
Стал самым-самым из самых-самых
И несётся вниз под всеми парусами.
А за ним – целая рать
Нежелающих ни за что отстать

Идёт на население
С фараонова веления
Со шприцами наперевес.
Того и гляди дойдёт до небес
И откроет чистилище на пару с ЕС.

5.

Кровь разливается.
Брошен спецназ
Жаб со шприцами.
Во главе листолаз.
И вездесущие
Кровососущие
Строчат для нас
За указом указ.
Жалят нас слухами –
Пёсьими мухами,
Под себя прогибают.
Скот погибает,
Язвы на теле от игл,
И врачи –
Словно нашествие саранчи.

6.

*Венгрия отказалась от участия в новом соглашении
ЕС по вакцинам Pfizer*

Искусно сплетается этот сюжет,
И вот кульминация вызрела.
– Ты читал развязку?
– Пока что нет.
– Мир взят без единого выстрела.

Это история на рубеже.
От казней никто не отвертится.
Тьма египетская у всех в душе.
Скоро доберутся до первенцев.

Карта отыграна. Мы в тупике.
Построена дьявольская империя.
И пишет история в своём дневнике:
Осталась одна Венгрия.

Мир кулис

Либретто для мировой оперетты

В пёстрой смене декораций

Нас поздравил мир кулис.

(Имре Кальман. «Королева чардаша»)

Третий звонок.

Тушат свет.

На сцену выходит

Кордебалет.

Звучит знакомый куплет.

В пёстрой смене декораций

Нас поздравил мир кулис.

Много, много, друг Гораций,

Отпустили нам оваций,

И играем мы на бис.

1.

Пролог. Увертюра безумного чардаша.

Конферансье: – Не знаю, как это началось,

Но всем как-то сразу стало весело,

Словно объявлен всемирный карнавал.

Играем в докторов и пациентов. Все в масках.

Кто есть кто, догадайся сам.

Репортёры брешут. Шариков лает.

Смех да и только! Палата №6 отдыхает.

2.

Конферансье:

– У нас самое помрачительное мировое умоохранение.
За кулисами происходит чёрт-те что.
Лекарства прячут,
Чтоб не вредили статистике,
В соответствие с которой
Всем нужно умереть,
Чтобы антрепренёр на вершине мира,
Который заказал эту оперетту,
Растрогался от умиления, и чтоб всё по сценарию,
Никакой отсебятины, как в уездных театрах,
Никакого балагана, как в былые времена.
Он и расписывает эту пулю –
Кому давать или не давать пилюлю.

3.

Действие первое. Доктор и пациент.

– Вы что, с ума сошли? – негодует доктор,
Завидя спасительное лекарство у пациента. –
А ну немедленно отправляйтесь в гроб!
На вас уже заготовлено, вы на очереди.
– А можно, я уступлю её другому...
...из милосердия? – сопротивляется больной.
– Нельзя! – отрезает начальственно доктор,
Вонзая в пациента вентилятор, как штопор.
– Вентиляторов много, хватит на всех, -
Приговаривает он, потея от усердия.
За его спиной ангел милосердия
Качает головой в косынке медсестры.
И с благословения какого-то опального патера,
Приносит лекарство и отключает пациента от
вентилятора.

4.

Действие второе.
Доктор на обходе.
Больной на свободе.
Смятение в народе.
Доктора вызывают на ковёр (ну не стёб?)
А СМИ под чью-то дудку
Танцует: «Всё тип-топ!».

5.

Пока пресса танцует,
Пока пресса танцует,
Медфашизм
По Америке и Европе гарцует
И по всем континентам
С одним и тем же контингентом,
Как бродячий цирк.
Спичкою – чирк! –
И разгорелась всемирная пандемия.

6.

Действие третье. Реприза.
Занавес открывается. Из-за кулисы
на сцену выбегают
братья-акробаты
социал-демократы
затевают шутовские дебаты
главный клоун лидирует
публика скандирует
пресса пропагандирует

7.

Тем временем клиники
В Пенсильвании и Вирджинии
Голосуют за то, чтоб пациенты жили.
И это неслыханно! Это скандал!
Пациент – для того, чтоб он душу отдал,
А иначе всё это сплошная фикция –
Все эти вентиляторы с оборудованными больницами,
Все эти репортажи со страшными историями,
Которые заканчиваются крематориями.

8.

Действие четвёртое. Собирается мировой форум,
Объявляет ивермектин полным вздором.
Ограждает несознательных колючим забором.

Ивермектин становится запретным, как когда-то
литература времён самиздата.
Долой Нобелевского лауреата!

Ходят слухи, что готовится очистительная клизма,
И глистов скоро выведут из мирового организма.

С авансены раздаётся: - К власти пришли паразиты,
Человеконенавистники, антисемиты.
– Да здравствует ивермектин!
– Да иди ты...

9.

В царстве теней призраки маскарада.
Под чардаш закручивается булгаковская дьяволиада.

Профессор Преображенский в шестом круге ада
Отказывается сотрудничать за все прелести Эльдорадо.

На него наступают. Он держится гордо.
Его всячески пытаются взять за горло,
Грозят каждый день казнить на плахе,
Обещая отпустить ему смертные страхи,
Если он привьёт населению мозги черепахи.

Преображенский не хочет повторенья гнусной фабулы
И в гневе разбивает все пробирки и ампулы.

Вопрос о власти поставлен остро.
Обращаются за помощью к Графу Калиостро,
Но и он проклинает мирового монстра.

10.

Действие пятое. Устраивают облаву
На сбежавшего пациента и медсестру Клаву,
А заодно на Преображеского
и несознательное население,
Поддавшееся на провокацию группы сопротивления,
Возглавляемой классиками русской литературы,
Что под прицелом МУРа и иностранной агентуры.

Сверху спускается в виде плаката
Гигантская копия нового мандата:
«Бей антиваксера и супостата!
Миру нужна чистая раса,
Чтобы всё исполняла с первого раза.
А от этих – одна зараза».

11.

Разгорается буча в яме с оркестрантами.
В Вене разгоняют демонстрантов с транспарантами,
Но они продвигаются
Всё дальше и дальше
С нарастанием темпа в безумном чардаше.

12.

Эпилог. Пьеса выходит из-под контроля.
В руках протестантов главные роли.
Они выкрикивают: – Нет паразитам!
Режиссёр отправляется за новым реквизитом.

13.

Мир – венский театр.
На авансцене – опальный патер.
Он указывает массам фарватер.
И массы скандируют:
– Да здравствуют медицина,
Наука и царствие ивермектина!

14.

Пока Вена танцует, мир не может обрушиться.
(Фильм «Королевская игра», 2021)

Пока Вена танцует, мир не может обрушиться,
Даже если он рушится, рушится, рушится...

ВСЕМИРНЫЕ ОДЕССКИЕ ДРУЗЬЯ

* * *

Памяти Евгения Голубовского

Всемирные одесские друзья...
Забросило нас в разные края
По вертикали и горизонтали
Земной и небесной дали.

Как много моря утекло с тех пор!
Но так же мы ведём наш разговор
На языке хоть разном, но едином,
И на всеобщий не переводимом.

Нас не разбить, и не построить в ряд.
Не догмы нас, а улицы роднят
И лозы виноградные, что льются
С балконов, оплетая всё подряд.

Покуда вьются – старый дворик жив.
Всё остальное – это строй души.
И по нему узнали мы друг друга,
И по нему друг к другу мы пришли.

У нас своя волна и частота.
Там и про то, по ком гудят суда,
И кто пришёл, кто навсегда остался,
И кто ушёл, оставшись навсегда...

* * *

Я жил тогда в Одессе пыльной...

А.С. Пушкин

Он был тогда с собой в разлуке,
И разлезалась жизнь по швам,
И он мечтал о Петербурге,
И снег не шёл, и карта шла,
Кареты хлюпали по грязи,
Сводила оттепель с ума,
И лишь в театре по заказу
Стояла снежная зима.
Как будто дело было в снеге...
Томил и город, и причал,
И он немного был Онегин,
Немного Ленский и скучал.
Всё было чуждо – разноречье
И моря Чёрного разгул.
И он мечтал о Чёрной речке
На том скалистом берегу.

* * *

Ирине Роднянской

Ты говоришь: моторика уже не та,
Пальцы не слушаются,
Стало писать сложнее.
Надвигается декабрь...
Знаешь сама –
Скоро твой день рождения.
Что-то рифмуется в этих стихах, что-то – нет.
Так бывает глубокой ночью,
Когда слово ещё не просвет
(Или не про Свет, если хочешь).
Лишь оно решает – быть или не быть,
Пока тьма рассыпает свои верлибры.
Верлибры не ходят строем.
Им бы баклуши бить.
Каждому – свои игры.
Мне вот такие.
Что-то из-под пера
Тянется, тянется на свет божий.
Потом оказывается, что это «вчера»
Лезет вон из кожи,
хочет оставить
хоть какой-то след,
Хоть какую-то неприметную зацепку.
И теперь оно мой сосед
(Или я превратилась в его соседку).
Ну причём тут прошлое,
Если ты вечерами в окне
Зажигаешь свет, включаешь свой телевизор,
Пишешь будущему, иногда – мне,
Если можно вот так, без визы
Посидеть у стола, выпить чаю, обменяться всем,

Что нельзя исчерпать в простом разговоре,
И уснуть, наконец, под баюканье вечных тем,
Чтобы слушать море.

* * *

<...> *я крадусь по камням необъятной Твоей пустыни*

Ефим Бершин. «Стансы»

– Включишь видеокамеру?
– Да нет, давай так.
С камерой звук заедает... Не слова, а калекки.
Представляю себе комнату,
Где за спиной твоей мрак.
У нас тут день, у тебя там сумерки смыкают веки.
Скоро будет совсем непроглядно,
Совсем бесприютно, совсем,
Как в пространстве, достигшем своего предела,
Из которого уходишь для разговора с Тем,
До Кого никому нет дела.
Здесь лишь длинные нудные войны, как пустой роман,
С той же завязкой, кульминацией, развязкой, будто бы
Их шипит единый графоман,
Недостойный ни одной потраченной на них буквы.
Потому и выбираешь пустыню, свои пески,
Говоришь с пророками,
Которым не внемлем,
И они блуждают в лоне всемирной тоски
По библейским землям.
А ты в своей тёмной комнате с лампочкой на столе,
Отряхнув песок со ступней, сетуешь у компьютера,
Что всё разваливается на этой земле.
Но коль был вечер, значит, будет и утро.
Даже если и видеокамеру включить не судьба,
Не она поможет прорваться сквозь толщи ночи,
А только скрученная в свиток Иерихонская труба
Книги, взывающей на людской обочине.

Стечение обстоятельств

Марине Кудимовой

1.

Странное стечение обстоятельств –
История дружб и приятельств.
Может, ты мне сестра,
А может быть, мы из одного двора,
Что на углу двух разных издательств...

2.

В эпицентре мирского недуга,
Там, где взят в заложники сон,
Ждёт меня фронтовая подруга –
Военврач, военкор, почтальон...

Жизнь спускается в мёртвый колодец.
Врос во льды мировой Люцифер.
Рот в приказе раскрыл полководец.
Всё дозволено. Сломан барьер.

Я пишу ей: «Что будет дальше?
Положи мне руку на лоб...».
Но заходится полночь в марше,
И грядёт Всемирный Потоп.

«Плот спасёт ли, коль нет Оплота?»
А она лишь вздыхает в ответ.
Перед нами линия фронта,
Разделившая тьму и свет.

3.

Мне приснилась шкатулка печалей.
Ты её принесла мне в дар.
По ту сторону сна все ждали.
Развозил больных санитар.

Только хлопали крылья ветра.
Коридор лежал в забвении.
Ждали все вестей из рассвета.
До него – идти и идти.

Пусть придёт он так, не иначе:
Купол облака над головой,
Щебет птиц и весёлый трамвайчик –
Верный ангел-хранитель твой.

4.

*...лично я бы предпочла океан.
(из больничной переписки)*

Часовая разница – 8 часов.

Четырнадцать это двадцать два.
У океана мерцательная аритмия,
Ему вредны эмоции, а слова
Без них, что раковины пустые.
Может, скалою безмолвной стать,
Может, свернуться в створках моллюском
И сторожить океана кровать,
Слушать, как бродит в ней его музыка?
И перекачивается луна,
Цепенеют рыбы в её свете,
И, словно ангел из небесного сна,
Простыни волн поправляет ветер.

5.

Нет! Ведьма “расколдована” Россией.

(из интервью к публикации поэмы «Арысь-поле»)

Полночь. Прибой приглушен.
Чертят приливы граф.
Снится волнам суша,
Говор полей и трав.
Где-то звенит кобылица
Гривою золотой.
Водорослей больница
Йод мешает с мечтой.
Доктор вдали воркует,
Пишет свои письма.
Спи, всё расколдует,
Всё расколдует Она.

6.

Выгнулись волны травами,
Воды – что луг на ветру.
И в золотистой оправе мы
Смотрим восходов игру.
Восемь – от берега к берегу.
Стрелки – вперед-назад.
Вызволишь снов энергию –
Переплывёшь циферблат.
Чаяк кружит песнопение,
Жив океанский алтарь.
А в преломлениях времени
Двигается Пахарь-Рыбарь.

* * *

*Друзей моих стремительный уход
Той темноте за окнами угоден.*

Белла Ахмадулина

Мир штормит, повсюду дружб обломки,
Связи гибнут прямо на глазах.
Как нам быть с тобою, друг Потёмкин?
Только мы и держимся в друзьях.

Только мы, и лестница, и море,
И отец, идущий в свой дозор.
Воронцовским маяком история
Кораблям сигналил с давних пор,

Чтоб неровен час не сбились с курса,
Что завещан раз и навсегда,
Чтобы каждый в Город свой вернулся,
Чтоб свои встречали берега.

Что поделать! Улицы в приметах –
Не осталось прошлого примет
Ни в названьях, ни на постаментах...
Только море не сменило цвет.

Бродит память по бурлящей кромке.
От любви с надеждой след простыл.
Здесь – передовая, друг Потёмкин.
Это всё зовётся только «тыл».

* * *

Храни моих друзей,
Что с каждым днём ранимей!
Февраль по всей земле,
Безудержна зима,
Дорогу занесло...
И встретиться ли с ними,
Когда сирены выюг
И в мире кутерьма?

Лёд ветки по стеклу
Стучит в моё зазимье.
Что ветка без ствола?
И ствол что без корней?
Что корни без земли?
И что земля, коль имя
За пахотным трудом
Так и не дали ей?

Что Слово, если слух
Ещё не пробудился?
А всё вокруг в огнях,
Всё в звёздах, всё в цвету,
И день шестой грядёт
Из глиняной темницы...
Но наберёт ли смысл,
И дух, и высоту?

Поёт метель псалмы,
И на сугробе риза,
И ели ледяной
Качается собор.

...А в день шестой был снег,
И снеговик лепился
Из облачной мечты.
И лепится с тех пор...

* * *

Если что, буду жить в Таганроге,
По утрам ходить на Азов,
Где ветра ураганят с дороги
И заводят песни без слов,
И внимать им, друзьям по кочевью,
И смотреть, как резвится вода,
Или с чайкой плыть по теченью,
А теченье знает, куда.
И быть может, где в вечном дозоре
Корабли охраняют восход,
Вдруг привидится Чёрное море
На границе небес и вод...

Письмо

Ты не знаешь – в этом мире
Если дождь пойдет однажды,
Он смывает даже море,
Что копилось на земле
Мерно, капелька по капле,
День за днём и ночь за ночью,
И ветра его не сдули,
Не заколотило льдом.
Тихо плещется и вечно
За углом одной из улиц,
Где живу я не однажды,
Днём и ночью, день и ночь.
Так что, всё, чтоб ни случилось,
Всё – под море. Вот – прибилось,
Растеклось и приласкалось,
Вот – отпрыгнуло назад.
Говорю тебе, пишу ли,
Просто думаю ли тихо –
Всё оно сопровождает.
Под него и ритм земной
Весь подстроен,
Чтобы было
Как-то связано всё с целым —
«Бесконечным и бескрайним»,
Как, пожалуй, ни один
Из предметов в нашем мире,
И включая даже чувства.
Так что, если будет дождь,
Это всё сольётся в бездну,
Потечет по трубам мира,
Напитает груды камней
И в планеты превратит.

И коль впрямь тебе так легче –
Знать о том, что будет после, –
Накануне этих ливней
Вот тебе моё письмо.

Книга печалей

1.

Книга печалей, книга печалей...
Мне говорят, что тебя нет,
Что ты это я. Но это неправда.
Ты – это ты и никто другой.
Вот провела по моей комнате
Лёгким трезвучием дверей и штор,
И старой половицы, и сжался в комок
Лист, навеки вырванный из тетради.
Теперь летит себе по орбите
Моего стола, став его спутником.
Иногда и ты его навещаешь,
Листает сквозняк твои страницы,
Пока не дойдёт до какой-то закладки,
И вспоминаются печальные истории.

2.

Вот, например, жила-была кошка,
А потом ещё жил да был воробей,
А под половицей тоже что-то было,
Но только если её не поднимать,
Не разглядывать, что там,
В особенности с фонариком,
А просто тихо лежать и слушать,
Как пела печь, когда её топили,
А дух тепла брюзжал по ночам,
Будто бабушка во сне ворчала.
Так много хочется тебе рассказать!
Только ты меня и поймёшь
И не станешь спрашивать, что ж тут грустного.

3.

И так всю ночь проводим вместе,
А с утра пешеходы проливаются на тротуар,
Смывая с асфальта день вчерашний,
Тучей движутся на сегодняшний день.
Ему бы помочь, высунуться из окна,
Предупредить, чтобы он бежал
На все четыре стороны. Только я
Оплакиваю вместо этого книгу,
Мне её жальче, потому что день
Всё равно пройдёт, а она останется
С этой тяжкой ношей страниц,
Будет держать их, словно Кариатида,
Век, и другой, и может быть, вечность.
С книгой у меня всегда спор,
Бессонные ночи, лютые терзания,
Война и мир. И сколько раз
Я поднималась на горный пик!
И столько же раз оставалась в тумане,
Читала, перечитывала, собирала черепки,
А время шло строевым шагом
Мимо окна, барабанило, трубило
И потом исчезало, стиралось в пыль
Под башмаками идущих строем.
И оставалась только она одна.
Над ней и плачу день и ночь.

4.

Что за манера убивать героев
На последней странице их собственной жизни,
Доставшейся им с таким трудом,
С таким невероятным усилием! Попробовал бы

Автор сам так выкарабкаться из-под пера,
Которым он норовит их проколоть,
Тогда б и вспомнил все десять заповедей.
А так – выходит сухим из чернил,
В чернилах по локоть, без зазрения совести.
Тебе зачтётся этот холокост!
Всех вас выстроят в ряд на полке,
Страницами к стенке, и, целясь в спину,
Будут критики расстреливать поодиночке
И складывать скопом в братскую могилу,
Откуда никому не удастся выбраться
С добрым или хоть с каким-нибудь именем.
Так и уйдёшь в топку мнений живьём,
В печь своего писательского ада.
А я ни за что так не поступлю,
С книгой моей! Даже в лютое время,
Такое, как сейчас, например, когда
Никто не верит ни в какие книги,
И было бы проще простого взять
И бросить её в чернильный колодец
И может быть, за это получить медаль.
Но все медали приносят печали.

5.

Ночь уже который день.
Сидим, подперев рукой подборок,
И смотрим друг в друга, будто в колодец.
Ты в глубине, а снаружи – я.
Поэтому взгляд твой мерцает влагой
Тёмно-фиолетовой, а мой – сухой,
Воспалённый бессонницей и настольной лампой.
И на улицу я давно не выхожу.
У меня у самой тут проходной двор.

То то пробежит по тетради, то это...
Меня пугают небоскрёбы стихов,
Закрывающих небо там, снаружи.
Задёрну штору, не стану смотреть.

6.

Что я хотела тебе сказать?
Мысли спутываются. Думалось о важном,
А получилось всё о каких-то пустяках.
Но ты не гонишь меня, а значит,
Значит, что-то я всё же говорю
Дельное, нам с тобой понятное.
Слово – всё, а мы – ничто.
Роза пахнет розой только потому,
Что розой названа. В имени – жизнь,
Если оно сказано на великом и могучем.

7.

Дождь уже которые сутки.
Тук-тук-тук. Двери закрыты.
А он всё хлопает своими мокроступами,
Смывает следы. Скоро не поймёшь,
Где было дно морское, а где двор
Из ракушечника старого треснутого дома.
Там теперь живут одни лишь мокрицы,
Выползают из тёмной раковины парадного,
Где никогда уже не вкрутят свет.
Ищут море, а оно уползло
И потом кучерявилось на горизонте,
Пока не исчезло. Интересно, куда.
И всё это ты навела мерехлюндию
На организмы, и они извиваются

Каждый на свой лад. Но ты предлагаешь
Посмотреть на это шире, и я смотрю,
И от этого становится ещё печальней и мокрее.

8.

Всё, о чём мы здесь с тобой говорим,
Сугубо между нами и совершенно секретно.
Поезд наш пошёл под откос
Не потому, что все, кому не лень,
Жали на единый рычаг управления,
А потому что какой-то безграмотный анархист
Перевёл стрелки, и рельсы родословной
Слов, на которых держится мир,
Повели не туда... Если б ты видела,
Как раскидало их по частям,
Как стонали они, изувеченные
Этим адским актом! А потом
Их собирали по частям, склеивали,
Накладывали гипс, но ничего не срасталось,
И тогда их распихивали по разным приютам,
И каждый мог их потом усыновить,
Но только при условии, что он никогда –
Никогда! – не шепнёт им: «абракадабра!».

9.

Вот моя самая большая печаль.
И пусть говорят, что я оторвана от жизни,
Но что есть жизнь? Жизнь – это Слово.
А если так, то оторвана не я,
А те миллионы частичек-слов,
Которые так и не срослись... О чём я?
О том, что иначе – молчание, молчание.

10.

Сегодня было особое свечение
От луны, застрявшей в подушке облаков,
Будто кто-то вздумал придушить
Эту царицу неба и небес.
Чего уже только с ней ни вытворяли!
И топтали ногами, и расстреливали в упор,
И портили репутацию, объявив на весь мир,
Что луна – это мёртвый осколок земли.
Всё проходит, пройдёт и это,
А она останется и будет сиять
Пустынникам беглым и караванам,
И тёмным морям, чтоб они приливали
И отливали в положенный срок.
И будут волны раскатываться и скатываться,
Как древний свиток в свечениях букв,
И будет пескам до рассвета сниться
Город в белой тунике с крыльями
И бликами лунности на их острине.

ЮЖНОРУССКАЯ ШКОЛА:
стихи и проза, Пушкин – Гоголь

Немного истории

Тем, кто хотел бы получить живое представление о Южнорусской школе в историческом разрезе, рекомендую блестящую книгу безвременно ушедшей Елены Каракиной (11.02.1957-4.22.2023) выпускницы ОГУ (Одесского Государственного Университета), учёного секретаря Одесского литературного музея «По следам Юго-Запада». Написанное захватывающе, образно и остроумно исследование Каракиной уходит корнями в историю Одессы, ведя читателя по основным периодам создания города и становления литературной Одессы, той среды, в которой позднее будет зарождаться «Юго-Запад». Как уточняет Виктор Шкловский в одноименной статье, ««Юго-Запад» — это географически Одесса» [Шкловский 1990: 470]. Название статьи взято из наименования книги стихов Багрицкого. «В статье я буду говорить об юго-западной литературной школе, традиция которой еще не выяснена.» [Шкловский 1990: 470], — пишет Шкловский. «В эту школу Шкловский включал Э. Багрицкого, И. Бабеля, В. Катаева, И. Ильфа и Е. Петрова, Л. Никулина, И. Сельвинского» [Чудаков 1990: 21].

По словам Шкловского, «город, когда-то бывший городом анекдотов, город русских левантинцев, юго-запад России, который для начала XX века был тем, чем были для XVII — XVIII веков Астрахань и Архангельск, город Одесса стал центром новой литературной школы» [Шкловский 1990: 471]. Казалось бы, старт для Южнорусской школы был обозначен. Увы!

Статья появилась в 1933 г., в преддверии I съезда советских писателей. Советская критика не простила Шкловскому ни Юга, ни тем более, Запада. По Виктору Борисовичу «бабахнула» «пятидюймовка «Авроры». Им занялась тяжелая идеологическая артиллерия. Шкловского обвинили в формализме и прочих «измах»,

в том, что он борется против государства рабочих и крестьян, в том, что «заигрывает» с Западом, и вообще «классовый враг в литературе». В определенной ситуации эти формулировки потянули бы на разные параграфы статьи 58 УК, короче на десятилетия лагерей или расстрел. Само собой, после этого годы и годы никто не осмеливался даже заикаться о «Юго-Западе».

А школа была... [Каракина: URL]

Внимание Шкловского было отдано формированию «сюжетного периода» в русской литературе и роли Южнорусской школы. Сюжет, жанр, мотивы, характеры – вот то поле, в котором работал Шкловский, показывая, что нового в этом плане привносила в русскую литературу развивающаяся Южнорусская школа. Виктор Шкловский был убежден в том, что «Южно-русская школа будет иметь очень большое влияние на следующий сюжетный период советской литературы» [Шкловский 1990: 475]. В этом он ошибся. Шкловский принадлежал к петербургской школе и мыслил в рамках этого направления. Отметив, что сюжетность осваивалась поэтами петербургской школы «у заморцев» («Сюжету русские поэты учились на Западе, учились у заморцев» [Шкловский 1990: 471]), Шкловский почему-то решил, что и писатели Южнорусской школы возьмут это на вооружение и доведут до небывалого блеска находки «заморцев», воссияв на литературных небесах. По-видимому, он видел развитие одесской литературы как остросюжетный роман западного образца. Однако его представления шли вразрез с духом Южнорусской школы, что раздражало Шкловского, который, судя по всему, надеялся, что заявленная им школа пойдёт по намеченному им курсу.

Южнорусская плеяда подвела. С досадой отмечал Шкловский сюжетные проколы то Олешки, то Бабеля, свидетельствующие о малом интересе к сюжету. Об Олешке:

«несовпадение сюжетной и стилевой стороны испортили очень хорошую прозу Олеша. После “Зависти”, после пестрых “Трех толстяков”, с цитатными приключениями и несведенной сюжетной линией Юрий Олеша пришел к рассказам. Может быть, я ошибаюсь и принимаю за нестройность стройку» [Шкловский 1990: 481]. В рукописных фрагментах статьи о Бабеле читаем: «Литературные произведения Бабеля представляют собой небольшие куски прозы со слабо выраженным сюжетным построением. Вся установка их дана не на сюжет, а на факт, обычно на его жестокость или “неслыханность”, и на стиль, в узком смысле слова, на способ описания. Как сюжетные построения вещи Бабеля при всей своей миниатюрности включают в себя вводные эпизоды. Это не означает, что Бабель умеет в малом дать многое, наоборот, это означает, что в силу отсутствия сюжетного построения Бабеля и в малом слишком просторно. <...> Он выбирает материал, позволяющий ему применить полубиблейский и перегруженный стиль» [Шкловский 1990: 525].

Тяга к описательности, к развитию характеров, к отступлениям перевесила интерес к сюжетности, которую писатели поматросили и бросили, не оправдав надежд своего капитана.

Южнорусская проза. Гоголевский акцент

То, что Шкловский принимал за досадный минус Бабеля и Олеша, было особенностью Южнорусской школы, и по сей день тяготеющей в прозе к описательности, метафоричности, к библейским отсылкам и прочим, отвлекающим от сюжета моментам. Проза, граничащая с поэзией.

В Одессе, Париже, Варшаве и Лодзи
Поэт размышлял о загадочной прозе.

О прозе, где смешаны только два цвета –
Цвет лунный и солнечный, осень и лето.

Игорь Потоцкий

Вспоминая о жизненных перипетиях Жванецкого, Каракина пишет: «Ему, ай-яй-яй, отверженцу одесского СП, ему, буквально выдавленному из Одессы администрацией семидесятых, выпало на долю воплотить в слове, в конце концов напечатанном, все свойства и качества “Юго-Запада”. И “преобладание описания над повествованием”, и автобиографичность, импрессионизм и неожиданность метафор». [Каракина: URL]

Шкловский, увлекшись идеей Юго-Запада, не принял во внимание природу Южнорусской школы, сделав акцент на «Западе» в названии школы, в действительности берущей начало от гоголевской прозы, настолько тяготевавшей к описательности и смыкавшейся с поэзией, что Гоголь окрестил «Мёртвые души» поэмой. Эта «медленная проза», раздражающая любителя сюжетной литературы избытком всего, что убивает динамику повествования, проза, направленная на вылуцивание нюансов, оттенков и деталей, проза, написанная по принципу «повествование всё – сюжет ничто», использовала сюжет лишь в качестве необходимого маркера пространства и времени и обоснования задачи главного героя. Богатство «Мёртвых душ» не в занимательности сюжета и не в сатире, а в скрупулёзно выписанном полотне чичиковского мира, где деталь, оживая, порождает множество других.

Вошедши в зал, Чичиков должен был на минуту зажмурить глаза, потому что блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный. Всё было залито светом. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета, когда старая

клюшница рубит и делит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети все глядят, собравшись вокруг, следя любопытно за движениями жестких рук ее, подымающих молот, а воздушные эскадроны мух, поднятые легким воздухом, влетают смело, как полные хозяева, и, пользуясь подслеповатостию старухи и солнцем, беспокоящим глаза ее, обсыпают лакомые куски, где вразбитную, где густыми кучами. Насыщенные богатым летом, и без того на всяком шагу расставляющим лакомые блюда, они влетели вовсе не с тем, чтобы есть, но чтобы только показать себя, пройтись взад и вперед по сахарной куче, потереть одна о другую задние или передние ножки, или почесать ими у себя под крылышками, или, протянувши обе передние лапки, потереть ими у себя над головою, повернуться и опять улететь и опять прилететь с новыми докучными эскадронами.

Сюжет – лишь предлог для разворачивания такой прозы. Как Гоголь писал в письме Пушкину: «Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и клянусь будет смешнее чорта» [Пушкин, 2015: 662]. Вязь образов и ассоциативных разветвлений убивает остросюжетность, снижает динамику, рассеивая внимание читателя, отвлекая его на «мелочи», в которых тонет даже поворотный момент поэмы – разоблачение Чичикова. Слухи, сплетни, лица, от которых они исходят, отношения между постоянно возникающими и исчезающими характерами – вот то, что запомнится, что притянет ценителя такой прозы, заморозит навсегда.

В том же стиле работали и Бабель, и Катаев, и Паустовский, и другие прозаики Южнорусской школы, хотя и на новом витке, с новыми находками. Но принцип оставался тем же. В шахматных терминах этот стиль можно сравнить с «медленным» позиционным стилем в противовес захватывающему комбинационному. Массовый зритель

шахматных турниров поначалу не понимал и не принимал «скучного» позиционного стиля, критически относясь к нему.

Сравнение шахматных стилей со стилем художественного произведения было впервые сделано известным драматургом и театральным критиком В. М. Волькенштейном (1883–1974). В своей книге по эстетике он ассоциировал комбинационный стиль в шахматах с драмой, говоря об острых коллизиях, перипетиях и неожиданных поворотах, издревле являющихся предметом восхищения и сенсаций в шахматном мире. Волькенштейн связывал понятие красоты в шахматах с комбинационным стилем.

Шахматная красота возникает там, где есть целесообразность ходов, связанная с перипетией, т. е. неожиданным парадоксальным (на первый взгляд) преодолением в затруднительном положении. Таковы моменты пожертвования. Если же победа дается постепенным накоплением мелких преимуществ, без увлекательной комбинации, ведущих через выигрыш пешки или качества к верному выигрышу, такая игра может быть названа солидной, выдержанной, даже поучительной — даже тонкой; но красивой ее назвать нельзя [Волькенштейн 1931: 45–46].

Однако то, что казалось «некрасивым» Волькенштейну, было красивым для Эммануила Ласкера, концептуально осмыслившего красоту позиционной игры, где комбинация не рассчитывается заранее, а медленно вызревает из складывающейся позиции. На сегодняшний день на шахматных турнирах играют только позиционным стилем.

Южнорусская школа работала в этом стиле, хотя и на новом витке, доведя своеобразие повествования до вызывающей несовместимости с соцреализмом. Раскованность в плане сюжетной организации, движение

за духом и образом зарождающегося чуть ли не на глазах у читателя произведения, пренебрежение установленными ограничениями и правилами вторглись в официальный стиль на взрывной волне. Как подметил в нашей частной переписке Владислав Китик:

Самобытность Южнорусской школы обусловлена в немалой степени своеобразием условий, в которых она зарождалась. При этом нужно учитывать и эмоциональную раскованность южан, выросших на стыке моря и степей, в единстве двух размашистых просторов. Как характер, так и перо чуждалось всего мелочного, казённого, формального, отягощённого скукой. Жизненным материалом для творчества служил многонациональный колорит в лице народов, заселяющих эти щедрые, плодородные земли. Юмор, весёлое подтрунивание было естественным проявлением дружелюбия и притяжения разных культур как равных. Всё это нашло отражение в литературе. В этой связи вспоминается цитата из «Зеленого фургона» Александра Козчинского: «В Одесском уезде жили бокобокукраинцы, молдаване, немцы, болгары, евреи, великороссы, греки, эстонцы, арнауты, караимы. Старообрядцы, субботники, молокане, баптисты, католики, лютеране, православные. /.../ Кроме немецкого, колонисты знали немножко украинский. «Мы - нимцы», — говорили они о себе.» Пытливый глаз писателя не мог не залюбоваться каждым встречным, уже находя в нем черты будущего персонажа, деятельного и неунывающего.

Представителей этой школы невозможно было не заметить – они кололи глаз чиновникам от литературы своей дерзкой непохожестью, раскованностью и искренностью. «Вслед Бабелю, одесситы перестали извиняться, за то, что не похожи на своих предшественников

в русской литературе. Они перестали быть “вторым рядом”, “забавным недоразумением”, “фольклорной безделкой”. Наоборот, именно одесская литература, странно свободная, непривычная, гомерически жизнелюбивая, станет противовесом стереотипной литературе, стереотипному социалистическому мышлению, картонным мыслям и бумажным словам» [Каракина: URL]. Из неё вышли и «12 стульев» Ильфа и Петрова, по атмосфере и духу сближенные с приключениями Чичикова более, чем с рассказом Конан Дойля «Шесть Наполеонов», который упоминает Шкловский как сюжет, подсказанный Катаевым. «В схеме, предложенной Катаевым Бендера не было», - пишет Шкловский. Это как нельзя лучше доказывает иную природу романа, где даже главный герой возникает в ходе развития произведения, «на событиях, из спутника героя, из традиционного слуги, разрешающего традиционные затруднения основного героя», а не на основе сюжетной схемы. Поэтому «Бендер сделался стихией романа, мотивировкой приключений», а не наоборот. По той же причине, «несмотря на смерть, он, как настоящий удавшийся герой, ожил» [Шкловский 1990: 473].

Вот из чего зародился Бендер:

В уездном городе N было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий, что казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть. А на самом деле в уездном городе N люди рождались, брились и умирали довольно редко. Жизнь города N была тишайшей. Весенние вечера были упоительны, грязь под луною сверкала, как антрацит, и вся молодежь города до такой степени была влюблена в секретаршу месткома коммунальников, что это мешало ей собирать членские взносы.

Вопросы любви и смерти не волновали Ишполита

Матвеевича Воробьянинова, хотя этими вопросами по роду своей службы он ведал с девяти утра до пяти вечера ежедневно с получасовым перерывом для завтрака.

По утрам, выпив из морозного, с жилкой, стакана свою порцию горячего молока, поданного Клавдией Ивановной, он выходил из полутемного домика на просторную, полную диковинного весеннего света улицу имени товарища Губернского. Это была приятнейшая из улиц, какие встречаются в уездных городах.

Главное отличие новых персонажей от гоголевских героев и героев советских сатириков – в той глубокой симпатии, которую они вызывают. «Авторы любят своего героя, – отмечает В. Китик. – Действия Бендера не очень-то укладываются в рамки социальной морали, но какой обаятельный образ! С каким изяществом выписаны Бабелем бандиты Молдаванки, занятые преступной деятельностью. С каким шитормовым восторгом описывает контрабандистов Багрицкий: “Черное море – вор на воре”. Или Голубено, Сущенко, Хаит... Обитатели их одесского дворика “с обветшалыми деревянными галереями” “под занавесом вечно сохнущего белья” настолько колоритны, что зрители становятся тут же и участниками дворового спектакля. Жизненного спектакля, что на зависть Шекспиру, этого “захватывающего зрелища, название которому – наша одесская жизнь...”» (из частной переписки).

С Паустовского началась новая волна интереса к Южнорусской школе (1956 год), связанная с появлением «Времени больших ожиданий». «Одна тоненькая книжка вынесла из реки забвения одесскую плеяду» [Каракина: URL]. Только школы это не вернуло. Причину Елена Каракина видит в том, что школы закреплены за столицами, а Одесса давно уже потеряла статус третьей столицы России. «И тем не менее, одесская литература продолжает существовать, реализуясь в публицистике и сохранив “Юго-западность” в

разговорно-эстрадном жанре, королём которого стал Жванецкий. Значит, школа не только была. Она есть».

Есть и продолжает развиваться в родном ей русле, в каком бы регионе ни находился пишущий. Убедительней это показывают отрывки из прозаических произведений. Приведу здесь два для наглядности.

Пожалуй, следует немного живописать бытовой уклад этого во всех отношениях удивительного дома. Справедливости ради замечу, что раб почтенного семейства патрициев Мося вовсе не был пустозвоном, как могло показаться из предыдущего повествования. Отнюдь. Он действительно очень сносно стряпал и был аккуратен до скрупулезности. На кухне его можно было увидеть в нежно абрикосовом поварском колпаке и накрахмаленном до хруста фартуке. А его странности... Кажется, любой сноб немедленно простит их за аромат борща и таянье во рту жареной глоськи. Кроме того, Нинель Германовна неусыпно блюла заведенный порядок, для чего использовала различные орудия насилия над распоясавшимся рабом. К примеру, хлестала колючим полотенцем. Оно, ошестинив каждую ворсинку, театрально охало вместе с невозмутимым Мосей. Щипала прищепками, кровожадно щелкающими пластиковыми челюстями. Но самым эффективным методом считала битье большой зеленой мухобойкой. Мухобойка кричала и клевалась как дикая общипанная утка. Мухобойкой по макушке порядком доставалось Мосье обычно при варке грибного супчика. Все дело в том, что оное занятие рабу казалось чересчур нудным и долгим. Поэтому он неизменно приправлял процесс самодеятельным шоу, выводящим Ниночку из себя. Мог громко мяукать, стучать ложками по банкам со специями или же изображать злодейский, вернее даже ведьмовской, смех при добавлении каждого ингредиента в кастрюлю. Словно это был

стрихнин, лапки суматранского таракана или сушеный корень мандрагоры. Впрочем, на качество блюд это ни в коем случае не влияло.

Элла Леус. «Собачий тупику»

Или:

После долгой жизни на севере я стал плохо переносить южный климат. Как приеду на юг – сразу перед глазами все плавает, воздух плавится, как плохой асфальт, а в голове одни видения. А тут как раз, после недели проливных дождей, в Одессе разразилась буквально египетская жара. Уже подходя к Привозу, я проклинал одесскую колбасу, за которой и явился на базар, потому что почувствовал, что воздух густеет на глазах, становится желтым и тягучим, как мед с дачной пасеки моего приятеля Геши, которого ненавидели все соседи по дачному поселку, что на десятой станции Большого Фонтана. И было за что. Поскольку дворик у Геши был маленький, пчелы время от времени вырывались за его пределы и первым делом почему-то накидывались на соседских собак. Причем, известно же, что пчелы на собак не кидаются в принципе, потому что не любят шерсти. А эти кидались и жалили в самое незащищенное место - в нос. И собаки, как ужаленные (то есть, именно ужаленные), с распухшими носами остервенело набрасывались на стенку каменного забора, на котором белел наполовину изгрызенный профиль Анны Андреевны Горенко (в скобках - Ахматовой). Таким образом, благодаря пчелам и обезумевшим от боли собакам, я и узнал, что где-то здесь, за забором, в доме, которого больше нет, родилась великая Ахматова. Так вот. Воздух густел на глазах, густел до такой степени, что становилось заметно, из чего он состоит. Более того, мне показалось, что местами он начинает расслаиваться и повисает на проводах, как белье на веревке.

Ефим Бершин. «Маски духа»

К сожалению, формат статьи не позволяет остановиться подробнее на прозаиках Южнорусской школы, но приведённых примеров достаточно для первого представления об особенностях этой школы, характерных для разных поколений её прозаиков.

Южнорусская поэзия

Казалось бы, тропка проложена, и поэзия южнорусской школы должна двигаться в том же направлении, что и проза. Ан, нет! Если южнорусская проза берёт начало от Гоголя, то южнорусская поэзия в основе своей воплотила пушкинские принципы. Для наглядности расхождений: Гоголь называет свой роман «поэмой», а Пушкин свои поэмы – «романом» («Евгений Онегин» и «повестью» («Домик в Коломне»). Всё шиворот-навыворот. Вот и поэзия Южнорусской школы соотносится с прозой, как пушкинский «роман в стихах» с гоголевской «поэмой».

Проза и поэзия южнорусской школы действительно сошлись, как «волна и камень», «лёд и пламень». Только если к южнорусской прозе и применять метафору холода, то, это, скорее, мороженое с разными наполнителями. А вот поэзия – это действительно волна, но в духе развития пушкинской метафоры моря.

Поэзия южнорусской школы лишена всех тех особенностей, которые отличают прозу. Впрочем, кое-что нужно уточнить перед тем, как двинуться дальше. Не все прозаики и поэты, проживающие в южнорусской геолокации, развивают тенденции южнорусской школы. Некоторые работают в рамках других школ, например, петербургской, чью поэзию отличает развёрнутость и стремление к поэмообразной форме, как, например, у позднего Бродского. Такой манеры придерживаются Валерий Сухарев, Лев Ли́белев и некоторые другие поэты. Но

всё равно остаётся на слуху узнаваемая мягкая южнорусская интонация, которая проступает сквозь ритм и образ стиха.

* * *

От такого заката голуби сходили с ума,
уматывая – кто повыше, в слоистую вату его,
кто на карнизы и в слуховые окна, где тьма
была спокойнее этих тонов; и назвать волшебством

всё это было возможно, но более – магией; ей
только подвластно такое влияние на живое:
на птаху, собаку, прохожего; над соборами и далью
полей
свисали цветные полосы и закат был, как ножевое

ранение из-за угла, и небо словно текло; и пекло
его сухожилия и мышцы, а меж домов, и рои, и
над пустотой жнивья, – охлаждающий, как ночное
стекло,
вился ветерок, торопя этот вечер; и дышалось проще.

Я вообще не раз не замечал закатов, глядя куда
удобно: вокруг, в себя, в никуда, в абсолютно чужое лицо
или мимо него, под ногами могла проскользнуть слюда
асфальта, литься смальта грязи, а жизнь казаться концом

всего или началом; а нынче как-то особенно проняло;
ощущение, точно нечто лопнуло и стряслось в глазах;
может, такое надо бы запоминать – день и число,
но память возьмёт у зрения, как у сердца берёт слеза.

И весь тот длинный вечер, и всю невозможную ночь
я боялся потери тебя в себе и себя в тебе, и
закат так и остался во мне, и было не превозмочь

тревоги, и листвы ещё не было, только почки, побеги...

Береги себя для грядущей судьбы, как жизнь самоё
себя умеет хранить, как ухо – понимать тишину.
Тот закат точно орал на всё небо, но когда поёт
тишина, это дороже мне, словно радость в печаль
обернул.

Валерий Сухарев

К Пушкину было особое отношение «Юго-Запада». «Когда мы проходили мимо дома, где жил Пушкин, - вспоминает Валентин Катаев, - мы молча снимали фуражки» [Любарева 1969: 195]. К 125-летию со дня рождения Пушкина Багрицкий выпустил пушкинский цикл... Можно было бы продолжить перечисление подобных фактов, но их несложно сегодня отыскать в литературе, а вот впечатление о том, кем был Пушкин в повседневной жизни одесситов, лучше всего получить, обратившись к шуточному «свидетельству» Евгения Голубовского, которое, тем не менее, наиболее точно отражает корневую основу Города (буду здесь писать здесь и в дальнейшем «Город» большой буквы, подразумеваемая центр Южнорусской школы):

Не знаю, как в каком городе, но в Одессе всегда и за все был ответственный... Нет, не губернатор, нет, не полицмейстер, даже не секретарь обкома партии. За все отвечал – Пушкин. Кто-то говорит, что знакомство начал с царя Салтана, кто-то с эротической «Вишни»... А я помню с двух лет – «Кто за тебя доест? Пушкин?» Затем – «Кто за тебя уберет? Пушкин?» «Кто за тебя уроки выучит? Пушкин?» Вездесущ, всемогущ, многорук... Нет, это не тот, кто на тоненьких эротических ножках вбежал в русскую литературу... Так создавался облик – «нашевсё».

Что мерещится под запах акации? Уильям Фолкнер

создал округ Йокнапатопа, Александр Грин вымечтал Зурбаган, Александр Пушкин придумал Одессу. Вдохнул в свое произведение и свою африканскую страсть, и галльский смысл, и аглицкий дендизм... А какими замечательными людьми населил город! Мы до сих пор восхищаемся Дерибасом, Рипелье, Ланжероном, столь же реальными, как Онегин, Ленский, Моцарт и Сальери... [Голубовский 2023: 17]

Голубовский ничуть не преувеличил. «Этот город <...> неотделим от Пушкина», - сказал Евгений Евтушенко в одном из своих интервью во время посещения Одессы. Как факт, на моей первой тетради стихов отец написал такое напутствие:

Пусть море Чёрное шумит,
Пусть старый дуб листвой колышет.
Узнай, о чём он говорит,
Услышь, чего никто не слышит.

Пушкин, море, собственное видение... Три кита, на которых держится поэзия Южнорусской школы.

Пушкин прочувствовал дух города изнутри, оказавшись с ним на одной волне и навсегда оставшись на её гребне. Стихи из «Путешествия Онегина» не были упражнениями в описательности. Не были они и заметками стороннего наблюдателя. Именно эти стихи и можно считать путеводными для сформированной в дальнейшем Южнорусской школы. Чтобы пояснить их значение, нужно сказать пару слов о поисках Пушкина, связанных с его новаторскими разработками в жанре «поэзии действительности», как он окрестил этот жанр, относящий не сугубо к стихотворчеству, а к художественной литературе в целом.

Пушкин связывал жанр действительности не с внешним

правдоподобием, а с *внутренним* (термин А. Веселовского) как образом «мыслей и чувствований» («О народности в литературе»). Например, в приложении к драме жанр действительности описан Пушкиным как «истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах» («О народной драме и драме “Марфа Посадница”»). В отрывках из «Путешествия...» Пушкин противопоставил жанр действительности популярному в то время сентиментально-романтическому и элегическому жанру.

Одессу звучными стихами
Наш друг Туманский описал,
Но он пристрастными глазами
В то время на нее взирал.
Приехав, он прямым поэтом
Пошел бродить с своим лорнетом
Один над морем — и потом
Очаровательным пером
Сады одесские прославил.
Всё хорошо, но дело в том,
Что степь нагая там кругом.

Справедливости ради отметим, что Пушкин благосклонно относился к поэзии Туманского — поэта второго ряда, поклонника пушкинской лиры, подхватывавшего и популяризирующего в своих стихах все новейшие литературные находки. Так что ироничность пушкинского высказывания — это не выпад против Туманского. Разговор был о направлении. Тезисно, с той же ясностью, лёгкостью, наглядностью и юмором, которые стали основополагающими для одесской школы, сформулировал Пушкин основы своего жанра.

Правило номер один — поэзия действительности не может быть написана «прямым поэтом» с «лорнетом».

Поэт не должен писать «очаровательным пером» и витать в эмпиреях. Он должен прочувствовать почву, из которой черпает вдохновение. Словно «показывая пример» того, как это должно выглядеть в жанре «действительности», Пушкин сразу же после строф, связанных с поэзией, подкрепляет своё высказывание строками о нагой степи. Речь вовсе не о приёме снижения с целью противопоставления двух стилей. Не реалистическим подробностям служит пушкинское перо. Реализм делает акцент на конкретике жизни, тогда как «поэзия действительности» направлена на создание *образа* действительности. Образ развивается из *внутреннего*, а реалистическое описание опирается на *внешнее*. Описание города в приведённом отрывке служит не только запечатлению реальных деталей. Они ценны, но не они являются самоцелью поэта. Пушкин смотрит на них не в лорнет, а сквозь магический кристалл, интегрирующий всё в цельное полотно *изнутри*. Внешняя деталь служит проводником внутреннего, которое, в свою очередь, диктует направление пушкинского повествования.

А где, бишь, мой рассказ несвязный?
 В Одессе пыльной, я сказал.
 Я б мог сказать: в Одессе грязной –
 И тут бы, право, не солгал.
 В году недель пять-шесть Одесса,
 По воле бурного Зевеса,
 Потоплена, запружена,
 В густой грязи погружена.

Рассказ будет действительно выглядеть «несвязным», «со слабо выраженным сюжетным построением», как определил бы Шкловский, для того, кто мыслит в рамках сюжетности («сюжетный стих», который «Ахматова знала» [Шкловский 1990: 471], не свойствен и Южнорусской поэзии). Пушкин нарочито делает акцент на этой мнимой несвязности,

чтобы дать понять, что он в курсе того, как это может быть воспринято традиционным читателем. А повествование тем временем движется по направлению к *внутреннему* – к образу строителей Одессы.

Но уж дробит камня молот,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный город
Как будто кованой броней.

Пушкин мог бы на этом и остановиться. Но не остановился. Он продолжает живописать трудности города по нарастающей. И впрямь – что может быть опаснее для существования города, чем отсутствие воды? Но и это преодолено одесситами.

Как будто кованой броней.
Однако в сей Одессе влажной
Еще есть недостаток важной;
Чего б вы думали? – воды.
Потребны тяжкие труды...
Что ж? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Без пошрины привезено.
Но солнце южное, но море...
Чего ж вам более, друзья?
Благословенные края!

Так, последовательно выстраивается образ города, имеющего свои отличительные особенности, свой генотип, свой дух, где упорство и отвага сочетаются с чувством юмора, весёлым нравом, жизнелюбием, щедростью и открытостью. Город, дружелюбно отворяющий двери каждому, кто постучится, город, где сосуществуют разные национальности и народности, разные верования («Как

мусульман в своем раю, / С восточной гущей кофе пью»).
Город энергичный, деловой («...здесь и там / Бегут за делом
и без дела, / Однако больше по делам») и вместе с тем,
артистичный, творческий и чуткий к искусствам.

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей.
Не внемля критике суровой,
Он вечно тот же, вечно новый,
Он звуки льет — они кипят,
Они текут, они горят,
Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как зашипевшего аи
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
С вином равнять do-re-mi-sol?

Приземляя и одновременно возвышая город без ложной
героики и сантиментов, Пушкин создаёт цельную картину –
образ одесского мира.

В этом отрывке Пушкин решает сразу две задачи –
художественную и историческую. Обе решены точно и
чётко. И сегодня каждый одессит узнает свой город не только
по внешнему, но и по внутреннему критерию. Что же до
стиля одесской школы, то его многообразие согласуется с
основами пушкинской *поэзии действительности*.

4. Пушкинские черты Южнорусской школы

Перечислю наиболее характерные черты Южнорусской школы. Прежде всего – это наличие *ясности поэтической мысли* в сочетании с самодовлеющей, не иллюстративной, образностью. Логика развития образа – первостепенна. Именно она выстраивает поэтическую мысль, разворачивает её в поэтическом выказывании.

* * *

Домолчаться до самой глубокой седой темноты...
От заснеженных звёзд первозданным покоем повеет,
Как деревья молчат – так, должно быть, никто не умеет,
И, к траве прижимаясь, глаза закрывают цветы.
Вечер лёгок и прост, как косынка на детских плечах,
И качели скрипят, как суставы усталой старухи,
И на пыльной скамейке сидят невесомые духи,
Ни о чем не пытай. Я весь вечер училась молчать.

Юлия Мельник

* * *

Колёса трамвая гремят ещё.
Тот же маршрут – прямой.
Между тюрьмой и кладбищем.
Между кладбищем и тюрьмой.
С одной стороны несвобода,
вечный покой – с другой.
Искры летят с небосвода
под трамвайной дугой.
Зеку, выходит, зеково,
покойнику – исполать?
Благословлять нам некого.
Некого проклинать.
Где мы? И что за местность?
Стена. И ещё стена.

Уносимся в неизвестность,
теряя в пути имена.
Словно бы мы в астрале.
О, не гляди в окно!

Австрия ли, Австралия
– не всё ли уже равно?
Опять трамвай заблудился
в безвыходности времён.
Тот, кто в трамвае родился,
не знает, зачем рождён.
... Между неволей и смертью...
Что же тут выбирать?
Выпало жить в лихолетье –
вот и попробуй не врать.
С одной стороны – несвобода,
вечный покой – с другой.
Искры летят с небосвода
под трамвайной дугой.

Илья Рейдерман

Лаконичность – ещё одна пушкинская черта, свойственная Южнорусской школе. Дело не в количестве строф, а в лаконичной передаче образа, очищенного от длиннот, заставляющих его длиться без развития. У Пушкина даже в поэмах каждая часть лаконична. В умении выстроить образ *лаконично* сказывается остроумие поэта, если под остроумием понимать элегантность решения тех или иных художественных задач.

* * *

Если долго сидеть у окна,
можно с ним потихоньку сродниться,
стать прозрачным...
И будет зима

сквозь тебя всё смотреть, и дивиться
раскалённой печурке в углу,
молоку и домашнему хлебу,
прислонившись к живому стеклу,
словно лбом, примороженным небом.

Сергей Пагын

* * *

Милая, слышишь, снежинка парит
Ранним предвестником нового чуда.
В белой завесе горят снегири
Красными грудками, вспыхнув повсюду.
Тайною графикой птичьих следов
Будут расписаны стёжки-дорожки.
Милая, видишь, на лужах ледок
Скрыл наготу накрахмаленной крошкой.
Сказку предчувствием не торопи,
Вслушайся, вдумайся в каждую малость.
Ведь для того и горят снегири,
Чтобы любилося, хотелось, мечталось.

Евгений Голубенко

Следующая особенность Южнорусской школы заключается в подаче образа Города как универсума. Это наглядно проступает в стихах Багрицкого, где морская ассоциация разворачивается в историческом измерении, воскрешая Трои, Карфаген, Колумба, Цусиму...

Только ветер да звонкая пена,
Только чашек тревожный полет,
Только кровь, что наполнила вены,
Закипающим гулом поет.
На галерах огромных и смрадных,
В потном зное и мраке сыром,
Под шипенье бичей беспощадных

Мы склонялись над грузным веслом.
Мы трудились, рыдая и воя,
Умирая в соленой пыли,
И не мы ли к божественной Трое
Расписные триремы вели?
Соль нам ела глаза неизменно,
В круглом парусе ветер гудел,
Мы у гаваней Карфагена
Погибали от вражеских стрел.
И с Колумбом в просторы чужие
Уходили мы, силой полны,
Чтобы с мачты увидеть впервые
Берега неизвестной страны.
Мы трудились средь сажи и дыма
В черных топках, с лопатой в руках,
Наши трупы лежат под Цусимой
И в прохладных балтийских волнах.<...>

Эдуард Багрицкий

Марина Кудимова пишет: «Город – это трамвай и море. По этим признакам Одесса – архетип Города. А одессит – не просто тип горожанина. Одессит – это раса и цивилизация» [Кудимова 2018: 14]. Отсюда – преломление мира в Одессе и Одессы в мире как ещё один лирический сюжет обретения Города за его пределами. Так, в «болгарских» стихах Юлии Мельник ключевой ассоциацией становится название улицы («Морская»), и это сразу увязывает и образ Чёрного моря, и пушкинский сказочный образ ветра, который не боится «никого, / кроме Бога одного», и отсюда – движение к Городу как к «Мёртвой царевне», движение, овеянное «счастьем и тоской».

Звонят ветра на улице Морской
В болгарском городке. Деревья пляшут.
И ветками неистовыми машут,

И пыль кружится с золотым песком.
Вернуться в дом, все окна затворить?
От ветра спрятаться, как от простуды?
Листвы шуршанье, словно пересуды...
Ей вправду есть о чем поговорить.
Вступив в неспешный этот разговор,
В шальную пляску душу отпускаю...
Пуškai ветра швыряются песками,
Им не замедлить шага моего.
И я иду по улице Морской
Навстречу ветру... Не сдувай. Не трогай.
Я тоже ветер - по велению Бога,
Я ветер, полный счастьем и тоской.

Юлия Мельник

Или израильские стихи Жанны Жаровой, где за «непроглядными туманами / и несбывшимися странами» проглядывает всё тот же Город, с «хризантемным» первым сентября, с неизбежной дорогой памяти, которая всё длится и длится, с бессонницей и думами о том, не *чем*, а «где сердце успокоится»... В этой кажущейся простоте и незначимости тона, в наборе расхожих поговорок вскрывается без натужности и драматизма глубинное и драматичное.

Хризантемы пахнут осенью –
Влажной прелью, ранней проседью,
Стылым утром, первым инеем
И давно забытым именем.
Хризантемы пахнут свежестью –
Сентября прощальной нежностью,
Непроглядными туманами
И несбывшимися странами,
Где идёт бычок, качается,
А дорога не кончается,

И диктует сны бессонница...
И где сердце успокоится.

Жанна Жарова

Библейский пласт – ещё один значимый аспект поэзии Южнорусской школы. Библейское вписано в метафору Города как часть его природного колорита. В произведениях Южнорусской школы библейское сосуществует в едином континууме с историческим и бытийным, как море с берегом. Не религиозным, а именно бытийным (от Бытия), когда ещё не были сформированы религиозные законы, когда Создатель присутствовал не в Писании, а в жизни, общаясь со своими творениями, наказывая и проощряя их. Отсюда личностное отношение к сакральному, сниженность тона до бытового в библейской метафоре.

СОБАКА

Ночь выпала на город, словно снег,
Прорезав борозду на обороте.
Кто поднял ворот ветру? На стене,
На вене, на окне, на отвороте
Читаю новый (свеженький) Завет,
Где, наконец, разложено по полкам:
Откуда ждать проникновенный Свет,
Зачем обороняться от осколков,
Как выглядит нормальный Серафим,
Как избежать обмана и подделки,
Зачем в конце пути горит софит,
А в колесе все время скачут белки.
Но я не прочитаю – не смогу,
Не расплескав, доставить Откровенья.
И только след собаки на снегу
Соединит разорванные звенья.

Анна Яблонская

Бытийно-библейское – не искусственно, не декоративно и не дидактично в произведениях Южнорусской школы. Оно органично и естественно, как морская стихия, ставшая первообразом библейских ассоциаций. При этом библейское не замыкается на морской тематике, а, отталкиваясь от первообраза, продлевается на библейский колорит в целом – сады, пески, пустыню, включая мотивы пророчества и т. п. Накладываясь вторым планом на поэтическое высказывание, библейское органично вплетается в современный колорит, причём настолько, что границы между физическим и метафизическим размыты, оставляя свободу интерпретаций.

* * *

Кипят деревья над землёй,
Мотают дивными хвостами.
Сад, сад земной и неземной,
Сад неизведанный. Сад странный.
В тебе мелькаю я – как страх,
Как страсть. Как выкрик в тихих кронах
В твоих бушующих ветвях,
В твоих бунтующих бутонах.
Я – этот сад. Его стволы –
И в ноздри, в сердце бьющий запах –
Из-под коры, из-под травы,
Из-под коряг и пней внезапных –
Из мглы рождаюсь я, как страх,
Как страсть, как выкрик в этих кронах,
В моих бушующих ветвях,
В моих бунтующих бутонах.

Игорь Павлов

Отношения моря и берега неоднозначны. Море иногда выступает антагонистом берега, а иногда – путеводной звездой, прапамятью. Возвышенное всегда снижено берегом, сниженное всегда возвышено морем.

* * *

Прибой сегодня глух и нем.
Вечернее брожение стаи.
В ответ на вечное: зачем?
Пожатье плеч: еще не знаю.
В каком краю, в каком раю,
В каких немислимых пределах
Я отмолю печаль мою
И перелью в сосуд скудельный?
И чем заполню пустоту?
Где откровенье слов текучих
Искать, теряя на лету,
Как фибру из желёз паучьих?
— Я верно ли предмет постиг? —
Спросил. А ветер не ответил.
Так умиротворенно тих,
Призывно чист, маняще светел
Простора вогнутый левкас.
Узреть ли мне, что там, за гранью?
Прозрачность перьев, детскость глаз,
Пронзающих своим сияньем?
Боль с трепетом птенца в горсти?
Дар сострадания безмерный?
Я в одиночестве вечернем.
А где ещё себя найти?

Владислав Китик

Берег неоднороден. Язычество пляжа сплетено с лиризмом пристани и всё вместе подчинено державности вод. Обращение к образам древнегреческих мифов усиливает многоголосие этой вселенной. Его невозможно проинтегрировать без понимания игровой природы лирического героя, свойственной Южнорусской школе. Зачастую смешение языческого и библейского подаётся с мягкой улыбкой, со снисходительностью к детскости

языческого мира с его мимолётностью и невозможностью увидеть более глубокие связи, о существовании которых несомненно осведомлён лирический герой.

* * *

Округи многоликой батик,
Цветов латинский алфавит,
И ветром сбитый школьный бантик
Фривольной бабочкой парит.
Так есть, так было до потопа,
И сотням будущих колен
Ей оставаться Антиопой,
Одним Тесеем взятой в плен.
Любить и любоваться учит
Полёт, с которым не знаком,
Неверью в призрачную участь
Лишиться сил под колпаком,
Уснуть под тернием булавки,
И распластаться на щите
В жестоковыйном, тугоплавком
Понятии о красоте,
И потерять подтекст летучий,
И обездвиженно в сачке
Признать, что нами правит случай,
И мир висит на волоске.
А красота помашет вербой,
Повеет осенью, дождём,
Спасая нас.
Спасёт, наверно,
Но если мы её спасём.

Владислав Китик

Игровая природа – одно из отличительных свойств Южнорусской школы. Не понимая, не чувствуя её, читатель может упустить самое важное – игру смыслов и оттенков,

на которых всё строится. Не случайно на заре становления Южнорусской школы с этим возникали проблемы.

Говоря о судьбе поэзии Веры Инбер, Елена Каракина пишет:

Поэзию Веры Инбер называли салонной и жеманной. До 1920 года, естественно. Кажется, ни одна из поэтесс, заявивших о себе в начале XX столетия, не избежала подобных эпитетов. А чего иного можно было ожидать от самолюбивых мужчин, которые, вдруг очнувшись, увидели, что их теснят с поэтического Олимпа невесть откуда взявшиеся существа в юбках и шляпках? Между тем, стихи Веры Михайловны естественны и легки, как утренний воздух. В них изысканность и уверенное владение приемами стихотворства. И такая свежесть, что кажется – они написаны не восемьдесят лет назад, а только что:

Ты помнишь Геную? Прогулки по утрам,
И шляпы на ослах, и запах лука,
И то, как неприятно было нам,
Что в розовом дворце теперь
контора Кука...
И как мы не уехали едва
За бедным эмигрантом в Чили,
Как путали мы деньги и слова,
И как друг друга мы любили.

Елена Каракина сетует на то, что критики «не усмотрели иронии и мастерства» Инбер, приняв это за «жеманность» [Каракина: URL].

Не усмотрели, потому что не поняли игровой природы её лирической героини. Невозможно правильно определить ноту, если нет слуха. Точно так же невозможно судить о произведении, не слыша нюансов голоса повествующего. Без этого прочтение идёт впрямую, и восприятие получается

плоским, примитивным. Тот факт, что игровое начало не было разгадано в случае с Инбер, говорит о нетипичности этого приёма для других школ. Жанр ироничной поэзии не имеет к этому отношения. Это другое. Это о скрытых интонациях в лирическом повествовании, не требующих дополнительной расшифровки для южнорусского читателя, моментально улавливающего эту особенность лирического героя.

Игровое начало, в огромной мере присущее пушкинской поэзии и прозе, с особой яркостью проступает в его стихах одесского периода. Именно там появляется неоднозначная подача города, где образы древнегреческой мифологии (в одесской части «Путешествия») контрастируют с образом «свободной стихии» («К морю»).

Пушкинское море – это выход за пределы обыденного. «Свободная стихия» и «бездны глас» в союзе с библейским образом «смирненного паруса рыбаей» («К морю») воссоздают вечное противоборство «торжественной красоты», воплощающей божественное начало, и «просвещения», приравненного в пушкинском словаре к богоборчеству, направленному «противу» «вечного источника поэзии у всех народов» («О ничтожестве литературы русской», 1834). Это и песчаный берег, который не мог не навеять ассоциаций с другими, библейскими песками, это и его «Пророк», написанный два года спустя после одесской ссылки, интонации которого контрапунктом «не-пророчества» угадываются в поэзии Ефима Бершина.

*«Праведники наследуют землю
и будут жить на ней вовек».*

Псалтирь 36,29

Ни земли, ни плодов. Разбрелись шерстяные отары.
Где верблюды и овцы, и женщины цвета песка?
Только дождь за окном, заколоченный пункт
стеклотары,
перебранка котов да таинственный зов сквозняка.

Расчлененное солнце садится огрызками дыни,
и врывается в окна чужой остывающий сад.
Пастухи и пророки навечно ушли из пустыни
и угнали стада, и уже не вернуться назад.

Ни земли, ни плодов. Темнота в засыпающем доме.
Из раскрытого тома сквозит бесполезный завет.
Лишь в сквозную дыру от пробитой гвоздем ладони
можно вечность увидеть и прочий нездешний свет.

Только дождь за окном. Листопад. И ни зги не видно.
То ли ночь на дворе, то ли лето пустили на слом.
Лишь ободранный нищий, похожий лицом на Давида,
в переходе метро допевает последний псалом.

Ефим Бершин

Простота, напевность, нарочитая сниженность тона до обыденного в библейских аллюзиях связана со спецификой Южнорусской школы, где свободная стихия накладывается на говор двораика, и возникает то уникальное, что невозможно разложить на отдельные составляющие без того, чтобы не разрушить целостности. Все мы вышли из двораика – и музыканты, и художники, и писатели, и пекари, и моряки... История – это двораик. Искусство – это двораик. Литература

– это дворик. Медицина – это дворик. Первые познания о мире – это дворик. Друзья, семья, родители... Дворик – это наше всё.

Отсюда тот особый лиризм, который позволяет говорить о главном без придыхания.

В каком тумане в час прогресса
Ты скрылась, милая Одесса,
В какой дали остались дни,
Теперь похожие на святцы?
Зачем, когда в ночи не снятся,
То вспоминаются они?
Кем сбита лестницы считалка?
Влились в преданья коммуналки
Кастрюли на замках, мораль
Общественного коридора.
Жизнь – в продолженье. И повтора
Быть не должно. Чего ж нам жаль?
Мой двор взгрустнёт арбузным летом
И скажет: «Тут его... а нету».
Зарос ли путь к нему быльем?
Неужто радостно не ахнет?
Вхожу, а он, как в детстве пахнет
Котами и сырым бельем.
Но рядом в садике придворном
Нет трубача лепного с горном,
Серийной девушки с веслом.
Хрестоматийная фигура -
Образчик гипсовой культуры,
Давно отправленной на слом.
Где эта девушка? - Забыта,
На свалке с головой отбитой
Лежит трубач. Но ты живи!
И знай, что девушка прекрасна,
Что ждет у моря не напрасно,

И голова горниста ясно
Потеряна. Но – от любви.

Владислав Китик

* * *

На небе догорели янтари,
И вечер лег на синие панели.
От сумерек, от гаснущей зари
Здесь все тона изящной акварели...

Как все красиво... Над листвой вдали
Театр в огнях на небе бледно-алом.
Музей весь синий. Сумерки прошли
Между колонн и реют над порталом...

Направо Дума. Целый ряд колонн
И цветники у безголосой пушки.
А дальше море, бледный небосклон
И в вышине окаменелый Пушкин...

Над морем умолкающий бульвар
Уходит вдаль зеленою дорогой.
А сбоку здания и серый тротуар,
И все вокруг недостижимо-строго.

Здесь тишина. И лестница в листве
Спускается к вечернему покою...
И строго все: и звезды в синеве,
И черный Дюк с простертою рукою.

Юрий Олеша

* * *

1.

Время – ночь, и темны его фишки,
И нерадостен пыл.
А стихи – как короткие вспышки
Полуночных светил.
Загорятся – и кажется, света
Стало больше чуть-чуть.
Но скорее иллюзия это,
Чтобы легче уснуть.

2.

А когда уж слово не даётся,
Не идёт лирическая роль,
Только нежность в сердце остаётся,
Только человеческая боль.
Значит, сердце всё ещё живое,
Не труха, не камень и не лёд.
Глад ли, мор, безумье ль мировое, –
Как свеча, во тьме тебя ведёт.
И когда не ждёшь уже рассвета,
Думаешь, как узник взаперти:
Ах, сберечь, сберечь хотя бы это
И свечу до края донести.
(Ирина Дубровская)

При всей патриотичности писатели Южнорусской школы практически не используют слов «Родина», «страна», «народ». О войне – негромко, просто, как с соседом по двору.

* * *

Дождемся? Да! Конечно же, коне...
Ревнивая сирена голос режет.
В итоге прав не тот, кто на коне,
А кто дойдет до финиша. Но прежде

Переживем ещё один февраль.
Что он сулит? Не мало и не много:
Не горькую, а все-таки печаль,
Не дальнюю, а все-таки дорогу.

Жизнь — что канатоходцу высота,
Дает опору, но не равновесье.
Абсурд войны читается с листа,
Ты не свободен от коллизий пьесы.

Но истина уж точно не в вине,
А где она — лишь Господу известно.
Лучина памяти, да что: страна - в огне -
Она поймёт здесь не нашедших места.

Дождемся? Да! Чего? Не угадать.
Не закрывай глаза — замкнешься в кому.
Твой долгий труд надеяться и ждать,
Известен морякам и астрономам.

Так ждут прощенья даже без вины,
И майских гроз, а после — урожая.
Так верят в окончание войны.
И ждут, и никуда не уезжают.

Владислав Китик

В силу присущего ей духа историчности Южнорусская школа чуждается политизации как сиюминутности, перекраивающей историю на свой лад. Лирический герой

менее всего апеллирует к идеологии и более всего – к духу Города, возвращаясь мысленно к «огням сторожевым»:

Я жив и ухожу обратно.
Лечу за флагом боевым
И на лугу ночном, на русском,
Домой, к огням сторожевым,
Сойду планирующим спуском.

Александр Грин

Перечисленные выше признаки Южнорусской школы относятся к разряду необходимых. Достаточные сформированы тем, что Каракина назвала не литературоведческим термином «менталитет». «Менталитет» – не литературоведческий термин <...> Надо было бы сказать – “тенденция к дискретности фабулы”, “карнавализация пространства”, “перегруженность метафорой”, но «количество терминов, подчеркивая общность, не объясняет сути. Потому что особенности письма авторов одесской школы продиктованы, созданы, сформированы необыкновенным городом, в котором они жили» [Каракина: URL].

Евгений Голубовский ставит в прямую зависимость менталитет Города и влияние на него фигуры Пушкина.

Я написал, что Пушкин автор нашего города. «И тут, я право, не солгал...» Но я мог бы написать, что воспринимаю Пушкина, как ангела хранителя Одессы. Его уроки свободомыслия были усвоены городом. Иначе он не выстоял бы в 1941, иначе он весь превратился бы в дым в 2014-ом... Но рядом был Пушкин. Помню, какой злостью ответили правильномыслящие на предложение Олега Губаря, писателя, пушкиноведа, создать в центре города еще один памятный знак поэту – Тень Пушкина. Не всем уютно ощущать себя под

тенью гения. Но создали. Олег Губарь, Олег Борушко, скульптор Александр Князик.

И вот мы не столько под тенью, сколько под сенью Пушкина. [Голубовский 2023: 18]

В этом – менталитет Южнорусской школы. Он и связывает воедино дух города, историческую память, море и Пушкина.

* * *

Александр Сергеич Пушкин не нуждается в защите,
Как бы вы ни постарались, он не ранен, не убит, –
вы пишете, что хотите, но, ребята, не взыщите,
он на Пушкинской в Одессе с легкой тросточкой стоит.

А вот вы, мои бедняги, вы нуждаетесь в уходе,
в медицинском наблюденье и в прогулках налегке,
с тонкой тросточкой подмышкой, при народе, на свободе,
от вокзала к горсовету, благо, он недалеко.

Ну, а если и прогулки не излечат ваши души,
если ненависть и злоба посильней врачебных чар,
этот город – весь как Пушкин. А с надеждою разрушить
тут бывало очень много всяких разных янычар.

Вы снесите, что хотите, приводите в свой порядок,
запишите, где хотите, полный перечень обид,
от вокзала к горсовету – победительным парадом...
А он на Пушкинской в Одессе с легкой тросточкой стоит.

А над ним синее небо, а за ним гуляет море,
и укладывает волны в ритме пушкинских октав,
этот город – сам как Пушкин – оживает в каждом взоре,
невзначай и ваше сердце тонкой тросточкой достав.

Юрий Михайлик

Литература

- Веселовский А. Н. Избранное. На пути к исторической поэтике. / Сост., вступ. ст., посл., коммент. И. О. Шайтанова М.: “Автотекст”, 2010. — (Серия “Российские Прописки”).
- Волькенштейн В. М. Опыт современной эстетики. М.; Л., 1931.
- Голубовский Е.М Под сенью Пушкина. // Гостиная. HC Publishing: Philadelphia, 2023. С. 17-18.
- Каракина Е. По следам Юго-Запада. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2006. Цит. по: http://www.belousenko.com/books/litera/karakina_south_west.htm
- Кудимова М. Одесский апвеллинг // Одесский трамвайчик. Charles Schlacks, Jr. Publisher: Idyllwild, CA2018. Вступительное слово. С. 14-15.
- Любарева Е. П. Советская романтическая поэзия. М.: Высшая школа, 1969.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977—1979.
- Пушкин А. С. Переписка 1926-1937. — М.: Директ-Медия, 2015.
- Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Художественная литература, 1989.
- Чудаков А. П. Два первых десятилетия. Предисловие // Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914 — 1933). — М.: Советский писатель, 1990.
- Шайтанов И. О. От составителя // Веселовский А. Н. Избранное: На пути к исторической поэтике. 2010. С. 5—8.
- Шкловский В. Б. Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914 — 1933). — М.: Советский писатель, 1990.

Филадельфия, октябрь, 2023

